

КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАРКОМАНИИ
ОТДЕЛА ПО ЦЕРКОВНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОМУ СЛУЖЕНИЮ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В ХРАМ ПРИШЕЛ НАРКОЗАВИСИМЫЙ.
КАК ПОМОЧЬ?

Координационный центр
по противодействию наркомании
Отдела по церковной благотворительности
и социальному служению
Русской Православной Церкви

В храм пришел наркозависимый. Как помочь?

Сост. иг. Мефодий (Кондратьев)

Москва, 2013

УДК 616.89-008.441.33:316.614:271.22(470+571)-774
ББК 56.145.12+86.372
М54

Книга подготовлена и издана
в рамках Благотворительной программы
БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского
при поддержке субсидии,
предоставленной из федерального бюджета
Министерством экономического развития
Российской Федерации

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
номер Издательского Совета — ИС 13-320-2588

М54 В храм пришел наркозависимый. Как помочь? / Игумен
Мефодий (Кондратьев), Е.А. Савина, Р.И. Прищенко, прото-
иерей Сергей Рыбчак, П.А. Никитенко. — М.: ООО «Авансед
Солюшнз», 2013. — 152 с.

Россия охвачена эпидемией наркомании. Попавшие в нарко-
тическую зависимость люди и их близкие приходят за помощью
в Церковь. Как им помочь? Брошюра поможет служителям Церкви
приобрести первоначальные знания для успешной работы на
этом поприще, преодолеть неуверенность, разрушить ряд лож-
ных стереотипов, укрепиться в желании помогать несчастным,
чья жизнь поломана наркоманией. Значительная часть сборника
посвящена работе с созависимыми родными и близкими нар-
комана.

Для православных храмов и монастырей, профильных
общественных организаций и государственных служб и др.

УДК 616.89-008.441.33:316.614:271.22(470+571)-774
ББК 56.145.12+86.372

© БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского
© Игумен Мефодий (Кондратьев),
Е.А. Савина, текст, 2013

ISBN 978-5-904269-89-0

Оглавление

Предисловие	5
Часть I. Желаящим помогать	10
Особенности православной реабилитации наркозависимых	10
Первичная консультация	20
Первичная консультация (дополнение)	30
Уличная социальная работа с наркоманами.	33
Воспоминания о событиях, побудивших открыть реабилитационный центр на приходе	43
Приготовление наркозависимых к жизни на церковном приходе	46
Работа с созависимыми родственниками.	64
Часть II. Кто они, наркоманы?	
Информация к размышлению	91
Рассказ Леонида о себе	91
Интервью с воспитанниками, проходящими реабилитацию на православном приходе	100
Денис (воспитанник, недавно поступивший на реабилитацию)	100
Николай (воспитанник, проживший на приходе около года)	106
Воспоминания о жизни в селе Георгиевское его бывших воспитанников	111
Андрей	111
Михаил	115
Слово родителям	119
Софья Андреевна	119
Алексей Ильич	126
Послесловие	132
Краткие сведения об авторах статей	135
Приложения	136
Об участии Русской Православной Церкви в реабилитации наркозависимых	136

Предисловие

Будучи настоятелем труднодоступного сельского прихода, никак не думал, что мне придётся столкнуться с такой экзотикой, как наркомания. Причем столкнуться в далёком 1991 году, когда наркотики только начинали свое победное шествие по России. Промыслом Божиим на приходе появились молодые люди из Санкт-Петербурга, которые в то переломное для державы время занялись работой с наркоманами, искали способ эффективной борьбы с зависимостью. Эти энтузиасты достаточно быстро определили, что корень проблемы лежит в духовной сфере, предсказуемо задались вопросом, поможет ли их делу взаимодействие с Церковью, и, наконец, непредсказуемо и совершенно неожиданно появились на нашем приходе. С этого момента началась активная фаза их воцерковления и нашего теоретического знакомства с проблемой. Спустя год мы познакомились с наркозависимыми людьми, которые в сопровождении новых друзей прихода почтили нас своим посещением. Не удовлетворившись кратким знакомством, одного из пристрастившихся к адскому зелью молодых людей по имени Лев, мы пригласили пожить при общине несколько месяцев. Первое и довольно обстоятельное соприкосновение с проблемой состоялось. Никаких определенных планов по помощи несчастным наркоманам мы тогда не измышляли, опрометчиво думая, что встреча с ними останется случайным эпизодом в жизни приходской общины. Посвятившие нас в проблему гости продолжали свое богоугодное дело, приобрели под Питером в посёлке Мельничный ручей землю, построили на ней реабилитационный

центр (один из первых в России), получивший название «Мельница»¹. Мы же были вполне довольны тем, что борцы с наркоманией из северной столицы стали близкими друзьями, а один из них вошёл в число наших прихожан, приобретя невдалеке от храма домик под летнюю дачу.

Человек предполагает, а Бог располагает. Осенью 1998 года приход оказался на грани выживания. Сошлись вместе финансово-экономический кризис в стране, отъезд значительной части работников храма без возможности найти им замену, резкое уменьшение числа прихожан из-за окончательного упразднения общественного транспорта в ближайшей округе. Как быть? Тут и родилась идея пригласить на приход выпускника «Мельницы» из тех, кто желал прочнее укрепиться на «правильном пути» по прохождению трехмесячной реабилитации в этом реабилитационном центре. Он поможет нам, а мы ему. Мы полагали, что сможем обеспечить отягченного зависимостью брата не только работой, но и духовным окормлением, имея в полной мере такую возможность из-за малочисленности паствы. Желавший приехать молодой человек нашёлся сразу, более того, именно в то самое время, когда служители храма собирались пригласить наркозависимого воспитанника, выпускник «Мельницы» выразил желание поехать на глухой приход ради глубокого вхождения в церковную жизнь. За первым воспитанником вскоре последовал второй, потом третий... Начав, мы уже не могли остановиться, впрочем, и не хотели. Почти сразу стало очевидным, что деятельность по перевоспитанию наркозависимых людей угодна Богу со

¹ Реабилитационный центр «Мельница» проводил реабилитацию под Санкт-Петербургом с 1995 года. Закрыт в 2008 году. (Здесь и далее примечания составителя).

всеми вытекающими из этого для нас, и в целом для прихода, последствиями.

Спустя два года я был приглашён на конференцию, посвящённую церковной работе с потребителями наркотиков и, не без волнения, сделал первый доклад по этой теме. Потом было множество различных конференций, семинаров, круглых столов, докладов, выступлений, статей — знакомство с чужим опытом и осмысление своего. Общение с профессионалами и энтузиастами, посещение реабилитационных центров в России и за границей. По мере понимания проблемы всё содержательнее становилась совместная жизнь с наркозависимыми воспитанниками. Всякое творчество увлекает, но когда не без твоего участия и на твоих глазах преобразуются люди, вдохновение удваивается. Впрочем, успехи доставляли не одну только радость, вместе с радостью пришла и печаль. Подтвердилось сказанное мудрым: «кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). Чем ясней осознавалась способность Церкви спасти наркоманов, тем больше было видеть, что служители Церкви не особо торопятся помогать им. Два десятка лет наркотики калечат и истребляют молодёжь в России, а многие ли пастыри и миряне делом воспротивились беде? И когда до боли обострилось желание сделать что-то большее, неожиданно пришли предложения потрудиться.

В 2009 году нас подвигли (в рамках гранта программы развития ООН) описать методику реабилитации наркозависимых граждан в церковной общине на основании опыта Свято-Георгиевского прихода.² Весной 2010 мне предложили возглавить группу экспертов, привлечённых к написанию концепции Русской Пра-

² «Методология социальной реабилитации наркозависимых в церковной общине» издана в 2011 году.

вославной Церкви по реабилитации наркозависимых в рамках работы Межсоборного присутствия.³ Осенью 2010 года в структуре Отдела по церковной благотворительности и социальному служению был создан Координационный центр по противодействию наркомании, и меня пригласили возглавить его. Я был также включен в состав различных рабочих и экспертных групп, а в 2011 году назначен председателем правления Благотворительного фонда святого праведного Иоанна Кронштадтского, учреждённого для финансовой поддержки антинаркотических инициатив Церкви. И неизменно, как прежде, несу послушание настоятеля глухого сельского прихода, в надежде до кончины оставаться им.

После проведённого Координационным центром мониторинга антинаркотической деятельности Церкви, стало предельно очевидным, что «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9:37). Некто справедливо отметил, что кадры решают всё. Потому одной из главных забот Координационного центра по противодействию наркомании является организация и проведение обучающих мероприятий: различных семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации, — для тех членов Церкви, которые уже занимаются работой с наркозависимыми людьми. В последнее время появилось ощущение того, что в Церкви произошел долгожданный разворот навстречу проблеме наркомании, и не только на общецерковном уровне идут благие перемены, но и на местах уделяется всё больше внимания деятельности в этой сфере. К нашей радости, находится немало приходских общин и монастырей, отдельных клириков и мирян, желающих включиться в работу с наркозависимыми людьми или их близкими.

³ Концептуальный документ «Об участии Русской Православной Церкви в реабилитации наркозависимых» утвержден на заседании Священного Синода в декабре 2012 года.

Проблема в том, что принявшие решение отправиться на антинаркотический фронт православные добровольцы не знают, как положить начало, как сделать первые шаги и при этом избежать ошибок. Многими не преодолены различные страхи, их сковывает парализующее волю ощущение беспомощности, ими не до конца изжиты стереотипы, отбивающие само желание помогать.

Эта брошюра задумана как ответ на вопросы тех служителей Церкви, кто осознал себя призванным на борьбу с последствиями наркотической агрессии против России, и намерен приобрести знания для успешной работы на этом поприще. Материалы, здесь собранные, в совокупности должны помочь преодолеть неуверенность, получить первоначальные сведения о проблеме, разрушить ряд ложных стереотипов, укрепить в желании помогать несчастным, чья жизнь поломана наркоманией. Поскольку помощь приходится оказывать не только подсевшим на наркотики людям, но и членам их семей, их близким, друзьям в решении сопутствующих наркомании проблем, значительная часть сборника посвящена работе с созависимыми.

Что делать, когда в храм за помощью пришел наркозависимый? Или у служителей храма просят совета и помощи родственники или друзья наркомана. Как помочь?

Часть I ЖЕЛАЮЩИМ ПОМОГАТЬ

Особенности православной реабилитации наркозависимых⁴

Игумен Мефодий (Кондратьев)

Уже более десяти лет в РПЦ проводится реабилитация наркозависимых. Пастырям пришлось столкнуться массово с этой категорией людей в середине 90-х годов. Для духовников это было новое явление, по отношению к которому надо было вырабатывать особый подход. Наркомания — это одна из главных составляющих родившейся во второй половине XX века внецерковной молодёжной субкультуры, изначально враждебно ориентированной по отношению к церковной системе ценностей и христианскому миропониманию. Идеологические установки правящей коммунистической партии и «железный занавес» долгое время не позволяли этой субкультуре оккупировать территорию нашей страны, но с приходом к полноте власти в государстве новых людей в начале 90-х, молодёжь обрекалась на порабощение этой, крайне безжалостной по отношению к пленённым ею молодым людям, субкультуре. Капитуляция была стремительной и почти полной: поработителя давно ждали и с ликованием встречали, как освободителя. Одним из самых горьких плодов этой без боя проигранной войны явилось появление миллионов разрушенных

⁴ Статья впервые напечатана в Информационном бюллетене Круглого стола по религиозному образованию и диаконии (ОВЦС РПЦ) в 2005 году. Печатается в сокращении.

наркотиками молодых людей, некоторые из которых, в поисках выхода, начали заглядывать в церковь.

Первые опыты общения с ними у духовников, в основном, не были особо удачными. Известны случаи положительного исхода встречи, но в массе взаимопонимание и отторжение были обоюдными. Поначалу нелегко было догадаться, что встречу священника и наркомана продуктивнее рассматривать не как встречу двух говорящих на родственном языке иностранцев, а как встречу двух инопланетян. Можно сказать, с некоторым преувеличением, что в духовном смысле в период их общения происходило соприкосновение двух антимиров. Несмотря на первоначальные неудачи, у многих служителей церкви не исчезало желание найти способы результативной помощи наркозависимым, и ими постепенно накапливался на этом пути положительный опыт. Те, кому удавалось находить верный подход, продолжали всё более успешно развивать реабилитацию, остальные священнослужители после ряда неудачных попыток самоотстранялись. Показатель успеха у тех, кто всерьёз и надолго занялся реабилитацией наркозависимых, оказался неправдоподобно большим: от 50 до 70% выхода в ремиссию. Российская медицина скромнее оценивает результаты собственных усилий по реабилитации.

* * *

В чём состоит особенность церковной помощи наркозависимым, и чем она отличается от реабилитации светской? Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, посмотрим, какие обязательные элементы, не применяемые медициной и нерелигиозными реабилитационными центрами, включает в себя реабилита-

ция наркозависимых на приходе или при монастыре. Основными и обязательными её элементами являются трудовые послушания, молитва церковная и келейная (домашняя), пост, индивидуальное духовное руководство реабилитантом и его участие в таинствах. В рамках данной статьи имеется возможность сказать всего по нескольким словам о каждом из этих элементов.

Послушание — это не только и не столько приобретение бывшим наркоманом навыка трудиться, которого у большинства из них нет, но, в первую очередь, постепенное усвоение иного взгляда на труд. Что труд — лучший способ честно раздобыть деньги, — ясно всем. Но, приобретая церковный взгляд на мир, человек открывает также, что труд — это, во-первых, тягостная епитимия, наложенная на всех потомков Адама, особенно полезная для тех, кто в своей жизни, подобно наркоманам, активно послужил греху, во-вторых, радостное непосредственное служение Богу и ближним, в-третьих, начальная ступень на лестнице духовного совершенствования человека. При правильном понимании, труд приобретает высокий духовный смысл.

«Молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. ...Молитвою возрождённый дух наш начинает удивляться великой тайне Бытия» (Архим. Софроний (Сахаров) «О молитве»). Соприкосновение с молитвой, упражнение в молитве производит решительную перемену в человеке, в его самоощущении, в его самосознании, в восприятии им всего окружающего мира. Даже робкое, скованное, неумелое общение с Богом меняет все перспективы жизни человека. Как мать с трепетом ловит первый лепет своего младенца, так Бог Отец внимает каждому слову ищущего примирения грешника.

Молитва непременно входит в жизнь реабилитанта на приходе.

Пост пугает только тех, кто никогда в своей жизни не постился, но те, кто ограничил себя в питании согласно церковному уставу, взамен неожиданно приобрели большую полноту жизни. Пост — один из основных инструментов духовного совершенствования. Посредством ограничения себя в пище, так же, как и вкушением пищи с молитвой благодарения, человек питает свою душу и выстраивает благословенные отношения с Богом. Соблюдение постов обычно легко даётся реабилитантам, поскольку в этот период их жизни все окружающие постятся, труднее дается верное понимание поста, но если приходит и оно, то пост будет сопровождать их всю оставшуюся жизнь.

В период жизни при храме у человека появляется счастливая возможность доверить себя руководству духовника, с которым у него иногда складываются настолько глубокие доверительные отношения, которых у человека прежде никогда ни с кем не было. Не всегда так получается, даже не особенно часто, но и одно участливое и сострадательное внимание человека, имеющего некоторый опыт духовной жизни, могущего дать спасительный совет и ответить на трудный жизненный вопрос, дорого ценится людьми. Если духовнику удастся расположить к себе реабилитанта, если тот откроет духовнику доступ в свою душу и убедится в опытности духовного руководителя, то последний получает возможность успешно лечить душу подопечного от всякой страсти, в том числе и от наркотической зависимости. Православное предание хранит богатейший опыт борьбы со страстями.

«Сущность религии есть таинства» (А.Ф. Лосев «Диалектика мифа»). Главная привилегия каждого члена Церкви — возможность участия в таинствах. Наркоза-

висимый не лишен этой возможности. Доступ к прочим таинствам человек получает через таинство Покаяния, а если он прежде не был крещен, то через таинство Крещения. Центральным из таинств является Евхаристия. После посильного приготовления допускаются к ней на общих основаниях и бывшие наркоманы. Посредством таинств Бог готовит людей к вечной жизни, попутно исцеляя их от увечий, причиненных грехом. Надо ли констатировать очевидное: нет такой раны, которую Творец не может вылечить.

Добавим к данному основному перечню чтение бывшими наркозависимыми духовной литературы, слушание ими проповедей и бесед на духовные темы, постоянное общение с братией монастыря или служителями храма, совместную с ними жизнь или жизнь в ближайшем от них соседстве. Многие из занимающихся реабилитацией монастырей или приходов могут пополнить этот далеко не полный список.

Что происходит в душе реабилитанта, когда он встречается со всем перечисленным? Предоставим слово одному из них: «Самое большое открытие, что есть другой мир — духовный, другие интересы, другой круг общения. Раньше это было далеко и нереально. Мне казалось, что это миф. Я чувствовал своё превосходство перед такими людьми, а теперь понял, насколько они превосходят меня. Мне это тяжело далось: изменение стереотипов». Вместе с изменением стереотипов, изменением взгляда на окружающий мир и на себя, по мере радикального перестроения мировоззрения, у этих молодых людей рождается потребность задать главные вопросы бытия, в первую очередь вопрос о смысле и цели собственной жизни. «Всё большее и большее число людей уже не видят смысла в жизни. Когда молодые люди, у которых едва открылись глаза к осознанию данной им жизни, впадают в отчаяние от видения царящего в мире абсур-

да, тогда печалится сердце глубоко. ...Итак, одной из самых важных проблем становится открытие подлинного смысла нашего явления в мир». (Архим. Софроний (Сахаров) «Письма»). Обретение главных смыслов бытия, происходящее во время жизни при храме, крайне важно для освобождения от наркотической зависимости. Приведем свидетельство известного психолога В. Франкла: «100 процентов случаев наркоманий связаны с ощущением утраты смысла: на вопрос, всё ли представляется им бессмысленным, 100 процентов наркоманов отвечали утвердительно...И здесь понятно, почему Фрейзеру, возглавляющему в Калифорнии центр реабилитации наркоманов и применившему там логотерапию (с помощью которой пациенты обретали смысл — и. М.), удалось добиться 40-процентного излечения по сравнению с 11 процентами в среднем при традиционных методах лечения».

* * *

Итак, основным деятелем в православной реабилитации является Творец, Промыслитель и Спаситель мира. Первая и главная задача для остальных участников реабилитационного процесса — дать возможность Богу властно и могущественно вмешаться в ситуацию. Что может «обессилить» Бога, стать препятствием для Его любви, желающей исцеления юного создания от наркотической зависимости? «Сила любви велика и победоносна, но не до конца. В человеческом бытии есть некая область, где даже любви положен предел, где даже она не достигает полноты власти. Что же это такое? Свобода» (Архим. Софроний (Сахаров) «Старец Силуан»). Бог полновластно займётся врачеванием души страждущего

человека только при неизменном согласии последнего на то, чтобы Спаситель вошел в его жизнь. При этом необходимо, чтобы человек благоразумно выстраивал свои отношения с Богом. В Евангелии примеры спасительного обращения к Христу показывают кровоточивая женщина, хананейка, мытарь, благоразумный разбойник. Поэтому вторая, и не менее важная, задача организаторов реабилитации — помочь наркозависимому верно поставить себя перед Богом. Но в отношении любого христианина духовники решают эту же задачу. В чём же тогда заключается особенность и сложность решения данной задачи для ситуации с наркозависимыми?

Необходимо ясно понять, что в церковной ограде наркоман — пришелец из антимира: из антихристианского мира. Если это и преувеличение, то совсем незначительное. Его отделяет от церковной паствы совсем другой жизненный опыт, иная, перевернутая система ценностей, иное видение мира и понимание царящих в обществе законов, иные цели и стремления ведут его по жизни. В духовном пространстве молодежной субкультуры он впитал иную «догматику», где-то подспудно, а где-то и откровенно — антихристианскую. Несмотря на юные годы, многие из них уже достигли совершенства в умении лгать, стяжали ведение изощренного разврата, криминал стал неразлучным спутником их жизни. Для них характерно равнодушное отношение к страданиям самых близких и родных людей, но они моментально определяют в ближнем сочувствие к себе и попытаются «обналичить» это доброе расположение. И то, что они пришли в церковь, не должно вводить в заблуждение: привело их сюда совсем не богоискательство, вовсе не раскаяние о множестве совершенных преступлений. Для большинства из них стремление в церковь, — это не стремление «к», это бегство «от». Бегство от всей

совокупности хаоса и разрушения, которые наркоман стремительно распространяет вокруг себя, и от которых первый же страдает. Бегство от смерти, которая уже открыла на него охоту (продолжительность жизни наркомана от начала наркотизации до трагической развязки составляет, в среднем, только 5—7 лет). Когда приходит адекватное понимание реальности относительно наркозависимых, тогда попытки быстро объясниться с наркоманом на словах и с помощью набора из нескольких спасительных советов вывести его из беды выглядят крайне наивными. Нет простого универсального алгоритма для установления продуктивного общения с человеком, поработанным наркотиком. «Мы все говорим «на разных языках». Почему на разных? Да потому, что за каждым нашим словом скрыты вся наша жизнь, весь наш опыт» (Архим. Софроний (Сахаров) «Письма»).

Но для принятия крайне пессимистических выводов тоже нет основания. Пришедший за помощью наркоман осознал, наконец, что попал в беду, и напряженно ищет выхода. Он готов слушать, хотя при этом ещё не способен понимать. Он согласен с тезисом, что надо что-то коренным образом менять, хотя не знает доподлинно, что именно, и каких это может потребовать от него усилий и жертв. Он даёт небольшой кредит доверия служителю Бога, поскольку у него нет иного выбора. Всё это создает возможность для встречи, которая должна иметь продолжение. Первая жертва, которую наркоман должен принести ради обретения свободы от власти наркотика над собой, — это дать согласие покинуть среду своего обитания, на время прекратить общение с родными и знакомыми, поселиться в православном реабилитационном центре, согласившись соблюдать принятые там правила. Многие соглашаются «рискнуть». На основании небольшого опыта, который реабилитант приобретёт при соприкосновении с новым

для него церковным миром (при сведении в этот же период к минимуму влияния прежнего), можно будет попытаться определиться с ним относительно некоторых жизненно важных вещей, конструктивно «проговорить» его проблему, благодаря возникающему взаимопониманию, указать путь религиозного исхода из наркотического рабства. Опыт свидетельствует, что такой подход приносит добрые плоды. Через некоторое время при работе с ним в этом направлении, для пациента открывается возможность осмысленного отношения к каждой из составляющих церковной реабилитации, он начинает догадываться, какую переоценку ценностей предлагают произвести ему. Все ли соглашаются сменить жизненные ориентиры? Конечно, нет. У многих интереса к религиозной жизни не возникает, но, по крайней мере, они получают понятие о том, в чём она заключается. Может быть, они будут призваны Господом позднее.

* * *

В чем плюсы и минусы реабилитации при приходах и монастырях? К очевидным плюсам относится возможность полноценного участия пациентов в богослужениях, в таинствах, возможность пользоваться духовным окормлением опытного духовника. Не менее важно для реабилитантов соприкосновение с повседневной жизнью большой общины церковных людей, весь уклад которой резко контрастирует с тем, что они наблюдали в своей прежней жизни. Через это для них открывается возможность интенсивного опытного освоения этого иного бытия в мире. К минусам можно отнести ослабление контроля за реабилитантами, необходимость для них проявления собственной активности для продвижения

в религиозной жизни, к чему многие из них совсем не готовы. Следует отметить ещё малую пропускную способность приходов и монастырей, поскольку сроки реабилитации значительны, а количество пациентов, одновременно проживающих при монастыре и, тем более, на приходе, невелико. Неоправданное увеличение числа реабилитантов сразу резко снижает их выход в устойчивую ремиссию, поскольку при большой скученности и недостаточном контроле наркозависимые пациенты, вместо стремления войти в церковную жизнь, устремляются к воспроизведению при храме реалий молодежной субкультуры. Дело может принять такой оборот, что приход вынужден будет на время оставить деятельность по спасению наркоманов и обратиться к спасению своей приходской жизни. В деле реабилитации надо трезво оценивать свои силы и возможности. Но самая большая сложность состоит в ином. Если наркоман попадает из мира сразу на приход или в монастырь, то он не может понять религиозной жизни, не может правильно войти в неё, а у служителей Бога не хватает ни достаточного времени, ни необходимого опыта, чтобы помочь ему сделать первые верные шаги на пути к духовной жизни. Всё, что человек не понимает, для него тяжело. В результате возникает взаимное отторжение и обида. Случается, что наркозависимый заканчивает свое проживание при храме таким поступком, после которого служители уже побаиваются приютить другого подобного. Но всё может пройти вполне благополучно, если на приходе есть успешно прошедшие реабилитацию пациенты: они помогут новичку совершить переход из одного мира в другой и советом, и примером.

На этом можно закончить краткий обзор особенностей православной реабилитации наркозависимых. Церковь не должна отказывать в помощи тем, кто просит её содействия в освобождении от наркотического плена, и не вправе навязывать свою помощь тем, кто против её

вмешательства. Опыт, накопленный православными реабилитационными центрами, как светскими, так и церковными, должен быть проанализирован и предложен вниманию служителей церкви, сталкивающихся с этой проблемой. Последнее слово в данной статье оставим пациенту, который начал свою реабилитацию на «Мельнице» — реабилитационном центре под Санкт-Петербургом, — а продолжает на одном из православных приходов:

«Мельница» — это вектор. Закладываются начатки. Там проходит отрыв от наркотиков. Переломный момент происходит за эти три месяца, но этого мало. Там только показывают направление, а приход может дать силы, потому что полностью осознаёшь всё только на приходе. Разные функции у «Мельницы» и у прихода. Отношение к духовному миру надо менять. Всё время я был неверующий, вернее, как все, т. е. считал, что есть какая-то сила. Теперь для меня духовный мир — это ходить в храм, стараться соблюдать заповеди, хотя бы как можно меньше грешить. Надо начать с малого и постепенно себя загружать. Поменяется круг знакомых, образ жизни, и из этого всё вытекает. Сейчас я не готов. Мне нужен внутренний стержень. Пока его нет, но я надеюсь и работаю над тем, чтобы он появился, поэтому здесь, на приходе, и нахожусь».

Первичная консультация

Екатерина Савина

Обычно на первичный прием сначала приходят родители или супруги наркоманов. Это связано с характерным свойством зависимости: наркоман делает всё, чтобы не начать выздоравливать. Отрицание факта своей

зависимости не только в общении с близкими, но и для себя самого; странным образом сочетающееся отчаяние и надежда на благополучный исход; миф об обреченности употреблять наркотики всю жизнь — всё это является противоречивой смесью психологических защит наркомана для того, чтобы продолжать употреблять наркотики. При этом он вовсе не бессовестный негодяй: «пучина греха», как называли это святые отцы, — это именно пучина, которая не отпускает наркомана из употребления. Все остальные объяснения служат только продолжению пребывания в активной зависимости. Близкие наркомана, безнадежно проигрывая в спорах с ним, наконец, приходят за помощью. После встречи с ними социального работника или священника, на консультацию может прийти наркоман. Каким образом лучше построить беседу с ним, какие основные события должны произойти?

Самое главное — должна состояться встреча. Кто пришел на неё?

Перед Вами человек, который попал в ловушку: он только хотел безопасно употреблять наркотики и недолго. Он видел, что его товарищи без видимых последствий употребляют то, что они называли безобидно и привлекательно: «травка», «пластилин», «порох», «быстрый» — и рискнул начать. После короткого безоблачного периода начались беды и проблемы, которые удавалось сгладить в своем сознании вновь употреблением. Это именно грех, ошибка: человек хотел жить хорошо и подумать не мог о тех ужасах, которые его ждали впереди. Очень похоже на табак: сколько людей продолжают курить, несмотря на грозные предупреждения, напечатанные на пачке: «Это не обо мне». Поняв, насколько серьёзны его проблемы, наркоман много раз пробовал остановить употребление — и увидел, что он в западне, из которой ему выбраться не удастся.

К тому же, отрицание зависимости, её причин и последствий помогает ему «обустроиться» в зависимости, но не позволяет выйти из неё. При этом наркоман ужасным образом разрушает жизнь всех людей, которые находятся рядом с ним, используя их для своего употребления. Лучше сказать, что это делает его зависимость, а не он сам, потому что наркоман по-прежнему любит близких, старается жить правильно, не делать зла, но каждый раз, когда он сталкивается с необходимостью употребить наркотик, побеждает зависимость. Живя такой жизнью много лет, наркоман постепенно всё хуже слышит голос своей совести, привыкая к злу, и даже, вероятно, проходит в этом несколько дальше, начиная радоваться злу и не отличая его от добра. В то же время, наркоман вполне вменяем, он осознает, что делает зло, и *может* не разрушать свою жизнь и жизнь близких, если только ему правильно помогут в этом. И если он сам позволит, чтобы ему помогли, действительно захочет изменить свою жизнь. Однако сам он сделать это не в силах — даже если громко заявляет обратное. Наркоман — страдающий человек, он грешник, который, по словам св. Ефрема Сирина, «лизет пилу и пьянеет от вкуса собственной крови».

Кто же второй участник встречи? Священник или церковный социальный работник, который, в силу своего положения, стремится различить грех и грешника, и потому хочет помочь наркоману начать выздоравливать от наркомании и, таким образом, идти к спасению души грешника. Тема спасения от греха, смерти и дьявола, хотя и, скорее всего, не будет рассматриваться на первой консультации, не будет выноситься в контакт двоих, тем не менее, присутствует в сознании помогающего человека. Его усилие, готовность терпеть и смиряться, новые и новые попытки «достучаться» до «внутреннего человека» наркомана в этой встрече име-

ют, в конечном счёте, единственную цель спасения его души. И если врачи будут самоотверженно бороться за жизнь того же умирающего наркомана, и в этом их врачебный долг — ещё большие усилия должны быть приложены во время этой встречи, потому что здесь идёт речь о спасении души в вечности.

Поэтому, когда священник или социальный работник говорит с наркоманом, он осознаёт присутствие Бога на этой встрече, Который будет помогать достучаться до наркомана. Кроме уместной здесь внутренней молитвы, на практике это Присутствие помогает избежать понятных ошибок осуждения, надмения или поучений; или, напротив, соскальзывания в обсуждение тем, которые второстепенны или неуместны. Могут быть, конечно, небольшие вопросы: как быть с остатками надежд на сохранение работы, или стоит ли лечить зубы прямо сейчас — их непременно нужно обсудить, уважая их значимость для наркомана. Но не стоит вести пустые разговоры о политике государства в этой области, отличиях между наркотиками или «кто виноват». Сейчас нам нужно решать «что делать».

Мы говорим здесь об установлении контакта. Если он состоится, то именно через этот контакт и войдет в душу нашего наркомана информация о возможностях выздоровления, надежда на него, доброе отношение и уместная критика его поведения. Не будет контакта — все слова будут сказаны не просто зря, но вызовут новую волну гнева и отчаяния наркомана. Негативный опыт здесь — не просто неудача, но значительный откат назад, потому что мы сейчас говорим с наркоманом от имени Церкви, и неудача здесь может иметь длительные негативные последствия отторжения от Церкви, с чем часто приходится иметь дело. Поэтому не нужно форсировать контакт, пытаясь за одну консультацию вылечить наркомана или хотя бы сформировать мотивацию

к выздоровлению. Успех консультации будет уже в том, что наркоман согласится прийти сам во второй раз.

Контакт в этой ситуации скорее формируется, если вам удастся говорить в форме диалога. Понятно, что это диалог *двух личностей*, и в уместной форме священнику или социальному работнику можно и нужно включать в него себя со своими представлениями о жизни, ценностями, оценками, профессиональным опытом и откликами на диалог. Контакт — это контакт именно двух личностей, и если вы «спрячете» себя за ширму статуса, контакт не состоится. Как нам хочется, обратившись к врачу с действительно серьезным заболеванием, встретить не только носителя знаний, но и человека! А уместность определяется целью: нам нужно установить контакт с наркоманом, сохранив фокус внимания на нём, а не на себе. Если, например, социальный работник — бывший байкер, то можно упомянуть об этом, что повысит, вероятно, уровень доверия между вами, но пуститься в воспоминания — будет означать «приятно побеседовать» *о другом*.

Имея внутри главную цель — помочь наркоману в спасении души, мы в процессе консультации стремимся обострить, показать, усилить необходимость нравственного выбора наркомана. «Жизнь и смерть предложил Я тебе... Избери жизнь» (Втор. 30, 19). Это именно не выбор ехать или не ехать в конкретный центр, но осознание человеком того, что выбор добра и зла стоит перед ним в каждом поступке, факте его наркоманской жизни, и он *не свободен* выбрать добро, даже если бы хотел, именно в силу его зависимости. Реабилитация дает ему возможность жить свободно, в первую очередь, именно в этом, фундаментальном выборе. Это можно показывать, обсуждая многие даже мелкие, на первый взгляд, решения наркомана. Для того чтобы мы сами осуществляли этот выбор в процессе самой консульта-

ции, нам нужно научиться принимать наркомана таким, какой он есть, с его грехами и заблуждениями. Перед нами невыносимо высокий пример отца из притчи о блудном сыне, который принял сына — ещё не исправившегося! — но вернувшегося домой. Дом нашего наркомана — Церковь, и нам нужно стремиться быть в позиции отца, но никак не старшего брата. Или, если хотите, быть братом, но другим...

Поэтому мы будем поддерживать любое проявление добра, Образа Божьего, любви, сострадания, сожаления о содеянном или иного, принимая это «в бережные ладони» с вниманием, поддержкой и синергией наших усилий. И мы будем не принимать, а значит, будем пропускать мимо внимания, не поддерживать, не усиливать своими возражениями, отстраняться от проявлений зависимости, будь то бравада, равнодушное отношение к духовным ценностям, осуждение или злорадство. Это похоже на теннис, в котором спортсмен не стремится взять мяч, который очевидно летит мимо площадки, потому что если он даже возьмёт его, удар будет так неловок для него, что следующий удар будет проигранным. Принимать и поддерживать добро, и не принимать и не обращать внимания на прилоги зла — вот позиция, которую нужно удерживать, обостряя нравственный выбор. Лишь в редких случаях мы должны встать против очевидного зла, если это необходимо для проявления *нашего* нравственного выбора. Тогда снова в контакте двух личностей это будет служить добру.

Большой закономерной удачей в такой консультации станет Богом данная вам возможность начать решать какие-то жизненные задачи вместе. Например, наркоман нуждается в том, чтобы возобновить ВИЧ-терапию, а вы знаете, к кому обратиться для того, чтобы сделать это быстро и грамотно. Или у наркоманки маленький ребёнок, и её мама отказывается с ним сидеть, грозя

отдать его в приют: «как же я буду выздоравливать?», — а вы сможете вдвоём уговорить маму позаботиться о ребёнке (на время пребывания в центре) так, чтобы угроза приюта для малыша отодвинулась до следующего употребления наркотиков. Возможно, какой-то ваш личный опыт поможет наркоману увидеть свои проблемы в ином свете... И он получит ценнейший опыт того, что его проблемы *уже сегодня решаются* с помощью извне!

В процессе консультации, постепенно наркоману сообщается информация, нужная ему для того, чтобы начать выздоравливать от зависимости. Лучше всего, если она подаётся вами «гомеопатическими» дозами, во-первых, для лучшего усвоения; во-вторых, она должна быть такой малой, чтобы стимулировать собственное размышление наркомана, не заменяя его готовым решением. Например, наркоман говорит, что у него часто такая сильная тяга (навязчивое желание употребить наркотик), что все мысли о возможности жить трезво тогда кажутся ему безумием. Вместо этого он может думать только о том, как побыстрее найти наркотик! На это вы можете сказать, что тяга — это не повод для употребления, а повод для того, чтобы поработать с ней. Если последует вопрос: «Как?» — можно ответить: «Ребята в центре говорили, что им это удастся». А если не последует, можно оставить и так...

В конце консультации всё же нужно подвести итог и сформулировать ваши предложения. Они могут быть простой рекомендацией пройти курс реабилитации в подходящих именно этому человеку центрах. Все люди разные, и центры разные, что сильно связано с личностью руководителя центра, поэтому необходимо понять, где именно этот человек может получить помощь наилучшим образом. Консультант может уточнить в Координационном Центре наличие мест в них. Консультация может закончиться и несколькими действиями,

предваряющими это решение. Например, наркоману, сомневающемуся в том, что он, с его большим стажем употребления наркотиков, имеет возможность выздоравливать, можно посоветовать сходить на собрание групп самопомощи, послушать и посмотреть. Вероятно, он сумеет отличить ложь от правды, и если там действительно есть люди с большим стажем употребления и очевидной благополучной трезвостью сегодня, он убедится в том, что это возможно. Может, кстати, спросить их, как они этого достигли... сами, или им помогли? Не стоит пытаться получить все ответы сразу, согласие на выздоровление — соблазн велик: мы его уговорили ехать на реабилитацию! Но что с ним будет через три дня жизни в приходском центре? Люди, зачастую, медленно приходят к таким важным решениям.

В помощь священнику или социальному работнику приведём в конце возможный (не обязательный!) краткий конспект консультации.

1. Если наркоман пришел с родственником, нужно попросить родственника подождать в коридоре и говорить с наркоманом один на один. Представьтесь первым, упомянув свой статус: священник, дьякон, социальный работник, постарайтесь запомнить имя наркомана. Фамилию лучше не спрашивать по причинам безопасности обоих. Наркоман не обязан Вам доверять, а Вы можете оказаться в трудной ситуации, если Вам ненароком сообщат ненужную информацию. Предупредите о конфиденциальности беседы: то, что говорится здесь, остается здесь, близким мы расскажем только результаты нашей беседы — рекомендации.

2. Установить причину прихода. Как видит проблему сам человек? Лучше вслух не называть его наркоманом, избегать диагнозов и терминов. Мы стараемся говорить на языке самого человека, проясняя, что означают слова. Помогаем ему говорить вопросами, на которые нель-

зя ответить односложно. Если он говорит, что проблем у него нет, а прийти заставила мать, то можно выяснять, что же так не нравится его матери?

3. Семейный статус: в какой семье живёт? Какие отношения в семье? Была ли или есть своя семья? Дети? В семье («малая Церковь») в первую очередь проявляются основные духовные проблемы наркомана.

4. Работает ли, учится или оставил это, почему? На первой консультации лучше избегать детального обсуждения криминальной деятельности человека, хотя она, как правило, есть, и значительная. Но упомянуть о ней, избегая деталей, всё же стоит.

5. Отношение к вере и Церкви? Может ли назвать себя верующим человеком? Крещен ли? Ходит ли в храм, приступает ли к таинствам? Если затрудняется: как он думает, Бог есть на свете? А Бог знает о нём? Какие у них отношения? Осторожно можно спросить, если только сам начнёт говорить об этом, о негативном опыте общения с «верующими» (отвержение, участие в сектах, колдуны и знахари, сатанизм, нью-эйдж).

6. Как он думает, какая помощь ему нужна? Почему именно такая? Что он уже пробовал, и почему это не помогло? Или помогло на какой-то срок? Почему же он снова начал употребление наркотиков?

7. Как наркоман может перечислить свои основные потери вследствие употребления наркотиков, в том числе повторяя сказанное выше? Требуется сочувствие, это не ваш «козырь», а драма в жизни наркомана. Переживал ли когда-то «дно»: состояние, когда и употреблять больше не может (тюрьма, здоровье не позволяет больше, что-то ещё), и не употреблять тоже не в состоянии? Осторожно можно спросить о том, были ли нравственные падения, о которых он не мог и предполагать раньше, что это случится с ним? Какие проблемы — в перспективе, потери — стоят сегодня перед ним?

8. Есть ли сейчас какие-то острые обстоятельства? Часто бывает так, что приход на консультацию связан с каким-то событием, энергия эмоций там ещё столь высока, что её может хватить для принятия каких-то важных решений, поэтому об этом нужно спросить.

9. Есть ли представление о том, что ему нужно будет что-то вложить в процесс выздоровления: терпение, усилия, время, отказ от привычных благ... И всё это будет не выше его сил, точно!

10. Информация о видах помощи — очень кратко, двумя фразами! — и подробно о двух-трех вариантах, которые вы считаете возможным для его выздоровления. Обсуждение особенностей каждого варианта, как ассортимент выбора, но не как уговаривание его согласиться. Посмотреть, отвечают ли эти варианты его запросу о помощи. Рассмотреть разные варианты. Не пугать неотвратимыми последствиями, уподобляясь сектантам. Ваша роль здесь скорее искушенного советника и доброжелателя, выбор — за наркоманом.

«Свобода есть неотъемлемое свойство существа разумного, ... а без свободы нет ни религии, ни нравственности, ни заслуги», — митр. Макарий.

11. Построить последовательность действий, соответствующих выбору наркомана. Например, если он решается ехать в центр, надо подсказать, какие документы собрать, что взять с собой, по каким телефонам звонить. Если он решает «подумать» — что часто означает, что он пока не решает ничего — согласиться и с этим выбором, предложив ему, тем не менее, сходить на собрания групп самопомощи, дать ему координаты этих собраний. В любом случае, наркоман должен уйти от доброжелательного собеседника с предложением прийти ещё раз, если будет нужно, и карточкой с телефонами.

12. И после этого нужно пригласить родственника, который сидит в коридоре, и повторить ему п. 11 и, от-

части, п. 10 — пусть наркоман ещё раз послушает, убедится в вашей лояльности! — и лучше запомнит. Можно ответить на вопросы родственника, но если вопросы затягиваются и носят характер «а вы знаете, что он...», «скажите ему, что...» — перенесите разговор с родственником на отдельную консультацию и отпустите их: наркоман уже и так достаточно потрудился. Оставьте родственнику свой служебный телефон.

Этот сценарий кажется слишком громоздким. Не смущайтесь, консультация — это вполне творческий процесс, и то, что было написано в начале, важнее того, что было написано в конце. Главное — это встреча, которую устроил Господь для спасения страдающих людей. Постараемся с Божьей помощью этому соответствовать.

Первичная консультация (дополнение)

Роман Прищенко

Зачастую наркозависимые или их родственники ничего не знают о специальной церковной помощи, и тогда они просто приходят в храм или монастырь и обращаются к священнослужителям или прихожанам. Скорее всего, бытовой разговор в храме или беседу в рамках исповеди о проблемах, связанных с наркотиками, нельзя строго назвать первичным консультированием по данной проблеме (например, не все священники имеют специальные знания о специфике наркомании и церковной системе помощи), но это может стать началом вовлечения наркозависимого в церковную систему помощи, а для этого и священнослужителям, и прихожа-

нам необходимо иметь представление о том, где и кем в Церкви эта помощь может быть оказана.

Так сложилось в системе церковной помощи наркозависимым в России, что первичные консультации для наркозависимых и их родственников обычно проводятся на базе уже существующих специализированных амбулаторных программ или стационарных реабилитационных центров. И в этом случае можно говорить о первичном консультировании как о скрининге (screening — проверка). Сотрудниками программы консультирование проводится не только для информирования о проблеме и программе, которую они предлагают, но и для проверки наркозависимого на соответствие условиям приёма в программу. Если есть соответствие условиям, то далее следует приём в программу. Например, некоторые церковные центры отказывают в приеме ВИЧ-инфицированным, некоторые — местным жителям и т.д. Если окажется, что есть какие-либо препятствия для участия в данной программе, то обычно наркозависимого направляют в другие церковные центры.

Необходимо уже на первой консультации оценить степень мотивированности или, другими словами, готовности и желания наркозависимого идти или не идти по пути решения проблем, связанных с наркотиками. Это необходимо по той простой причине, что от этого зависит сам ход развития взаимодействия во время консультации. Консультант может столкнуться с явным отсутствием внутренней мотивации у наркозависимого или, что почти тоже самое, с внешним побуждением со стороны близких или значимых людей, вовлеченных в круг проблемы. В этом случае наркозависимый по разным причинам не собирается отказываться от употребления наркотиков или проявляет вынужденное согласие на отказ под воздействием внешних причин, коими могут быть давление родственников или право-

охранительных органов, невозможность употреблять из-за плохого состояния здоровья, высокой дозы и, как следствие, повышенного риска передозировки и т.д.

Может быть и так, что у наркозависимого сформировалась противоречивая мотивация, т.е. он видит как плюсы, так и минусы употребления, размышляет о реальных болезненных последствиях, возможно, осознаёт, что из-за употребления наркотиков находится в жизненном кризисе, но решения о необходимости конкретных действий для решения проблемы еще не принял.

В лучшем случае, на консультацию приходит наркозависимый с внутренней мотивацией, которая позволяет начать осознанное воздержание от употребления наркотиков, признать наличие серьёзной проблемы зависимости и следовать рекомендациям по решению этой проблемы.

Понимая уровень мотивации наркозависимого консультант может более эффективно выстраивать взаимодействие с наркозависимыми: мало мотивированных побуждать к размышлениям об отказе от употребления ПАВ и об изменении образа жизни; тем, у кого противоречивая мотивация, оказывать помощь в принятии решения; ну а тем, у кого есть внутренняя мотивация, помогать всесторонне осознать проблему и необходимость участия в длительном реабилитационном процессе для достижения устойчивых изменений.

Хочется добавить несколько слов о свободе. О свободе выбирать, иногда даже между жизнью и смертью. Как показывает опыт, сталкиваясь с необходимостью изменить свою жизнь, ум и поступки, многие наркозависимые или полностью отрицают наличие проблемы (а если её нет, то зачем что-то менять?), или же, допуская, что проблема есть, говорят «Я сам!», отказываясь от помощи и манифестируя силу собственной воли, а, точнее, её слабость. И лишь некоторые признают, что

необходимо принести покаяние, обратиться за помощью к Богу и к людям. Но их не так много, как нам зачастую хочется. Нередко священники или социальные работники в начале своей деятельности по помощи наркозависимым имеют неукротимое стремление «догнать и причинить ему добро». И чем сильнее это стремление, тем сильнее бывает и разочарование, доходящее иногда до обид и смущения, когда наркозависимый прямо или через поступки говорит: «А я выбираю смерть...». Трудно смириться с таким его свободным выбором. Но осознание того, что наши возможности в помощи ограничены, является одним из важных условий в работе консультанта. Мы не можем выздоравливать «за» наркозависимого, мы можем быть рядом, честно и с любовью отражая реальность происходящего и предлагая варианты решения проблемы. Если мы нарушаем эту границу и лишаем наркозависимого права выбирать, мы претендуем на роль Бога со всеми вытекающими из этого последствиями.

Уличная социальная работа с наркоманами

Петр Никитенко

В работе с наркоманами «на улице» первоочередной задачей является их мотивация на обращение за помощью, а основополагающей целью является установление контакта с теми наркоманами, которые ранее никогда не обращались за медико-социальной помощью и в большинстве случаев вообще не знают, что такая помощь есть, или не хотят обращаться за помощью.

**«Если Магомет не идёт к горе,
то гора придёт к Магомету»**

Для того чтобы понять работу анонимной социальной службы помощи наркоманам, вначале представим себе нашего клиента, и что он чувствует. Ведь чтобы помочь, надо «понять и принять».

Представьте ситуацию, что вы один в чужом городе. Нет документов, нет родственников, нет денег, жилья, возможности работать по специальности, нет еды, и вам некуда пойти. Как вы поступите? Что будете делать, чтобы выжить? Попробуйте ответить себе честно.

Именно в такой ситуации находятся большинство наркозависимых. К тому же, в этот перечень можно добавить ещё несколько пунктов: ломка, на теле в местах инъекций — абсцессы, человек в белом халате — «враг», вы есть, но одновременно вас нет, и вы, как будто, не существуете.

Все вокруг считают, что наркоман — «слабак и преступник». Вас давно никто действительно серьёзно не спрашивал: «Как дела? Как ты?», большинство дверей перед вами закрыты. И хочется что-то изменить (ведь когда-то всё было хорошо), но утром опять приходится ломать голову — «Где достать?», и суета снова занимает всё время. И так изо дня в день, из года в год, непонятно где начало и где конец, если всё — по кругу...

Таким образом, только поняв, что в действительности происходит с наркозависимым, и приняв его таким, какой он есть, можно надеяться на успешную работу, особенно когда речь идёт об её уличном варианте.

Уличная социальная работа (международный термин — «аутрич», от англ. *outreach* — внешний контакт) заключается в том, чтобы установить доверительные отношения с клиентом для оказания ему помощи: рассказать о рисках наркомании и сопутствующих ей заболева-

ниях, проконсультировать по вопросам их диагностики и лечения, мотивировать и, по возможности, направить в лечебные учреждения и социальные службы.

В рамках профилактической работы в области противодействия наркомании, ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний исторически сложилась следующая ситуация: во время уличной работы социальные работники что-то раздают, куда-то зовут, чуть-чуть консультируют, и на этом всё заканчивается. В условиях многолетней работы в мегаполисе мы пришли к другой модели оказания помощи на улице: в 95% случаев мы используем различные технологии мотивационного консультирования и психологической поддержки, которые традиционно используются для «кабинетной работы», т.е. на территории лечебно-профилактического учреждения.

Такой подход при правильном его применении даёт возможность создать у наркозависимого собеседника ощущение безопасности, понимания и поддержки. Это необходимо для того, чтобы помочь человеку:

- 1) начать размышлять о своём рискованном поведении;
- 2) определиться с готовностью что-то изменить в своей жизни здесь и сейчас;
- 3) осознать, каким образом можно и нужно действовать, и что возможно изменить и сделать уже сегодня.

Модель изменения поведения по этапам

Для того чтобы понять, когда в уличной работе можно и нужно применять технику мотивационного консультирования и для того, чтобы лучше понимать тот путь, который человек проходит, меняя свое поведение, используется модель изменения поведения по этапам, разработанная двумя учёными-практиками — Джеймсом

Прочаской и Карлом ДиКлементе. Согласно этой модели, изменение поведения рассматривается не как разовое событие, а как процесс, занимающий некоторое время и разделяющийся на несколько этапов. Важно отметить, что данная модель отображает процесс осознанного изменения поведения, когда человек размышляет по этому поводу и контролирует то, что происходит с его поведением. Таким образом, эта модель определяет и описывает этапы, которые человек проходит в процессе осознанного изменения поведения.

Этапы изменения поведения

Этап пред-намерения (предварительная, допроблемная стадия). Среди людей, находящихся на этом этапе, на улице можно встретить «солнечных потребителей», которые вообще не задумываются о своём употреблении алкоголя или наркотиков. Для зависимого человека на этом этапе выгоды от употребления психоактивных веществ значительно перевешивают ущерб, и поэтому он будет с недоверием относиться к заявлениям со стороны других о том, что такое поведение наносит ему вред, или даже будет игнорировать такие заявления вообще. На данном этапе, безусловно, рано вести речь об осознанных изменениях в поведении.

Этап намерения (первые мысли, размышления о проблемах, связанных с употреблением психоактивного вещества). Можно сказать, что люди переходят на этот этап, когда начинают испытывать двойственные чувства, колебания или сомнения по отношению к употреблению ими наркотиков. То есть, с одной стороны, употребление наркотиков приносит удовлетворение, а с другой — уже вызывает проблемы и заставляет о них всерьез задуматься. Для человека на этом этапе, с одной стороны характерно стремление избавиться от про-

блем, вызванных употреблением, но с другой — всё ещё остаётся стремление продолжать употреблять наркотики. Таким образом, наркопотребитель находится в нерешительности. Признаком нахождения на этапе намерения является то, что человек не включает изменения в свои планы на ближайшее время. Тем не менее, уже такого понимания вполне достаточно, чтобы предпринять первые шаги и попытаться изменить поведение. На этом этапе мы уже можем предложить обратиться за консультациями к социальным работникам, пройти тестирование на ВИЧ, гепатиты, а также озвучить меры инфекционной безопасности.

Этап принятия решения и подготовка к действиям. На этот этап человек переходит, когда он решил пересмотреть свое поведение и готов начать действовать. При этом, для нас не столь важно, решил ли он только уменьшить дозу или полностью отказаться от употребления, важно то, что человек принял решение и твёрдо убежден, что необходимо пересмотреть свои привычки и отказаться от употребления наркотиков.

Этап активных действий. Этот этап начинается и продолжается, пока человек делает конкретные шаги, направленные на изменения своей жизни, шаги, которые были намечены на предыдущем этапе. Следуя намеченному плану, человек пытается измениться, пробует новые модели поведения, обращается за поддержкой, сталкивается с препятствиями и преодолевает их как самостоятельно, так и при поддержке социальных работников.

Этап поддержания изменений. Наркозависимые люди, успешно изменившие свое поведение и ведущие новый образ жизни продолжительное время (например, не употребляют наркотики свыше 12—18 месяцев), на этом этапе чувствуют себя людьми, у которых были проблемы в прошлом, но которые оставили их позади.

Бывшие наркоманы, зачастую, становятся добровольцами и начинают оказывать посильную помощь на улице. Самое ценное в их помощи — это так называемое «сарафанное радио», т.е. они, во-первых, личным примером показывают, что изменения возможны, и, во-вторых, рассказывают о том, что социальным работникам можно доверять, что наркозависимым действительно можно помочь.

Срыв (необязательный этап изменений). Некоторые наркозависимые люди, решившие однажды измениться, по разным причинам отказываются от своих намерений и возвращаются к своему привычному поведению. Во время срыва они возвращаются на один из предыдущих этапов, чаще всего на этап преднамерения или намерения. В этом случае мы используем принцип бесперебойной, постоянной работы: в одни и те же дни, в одних и тех же местах, в одно и то же время консультируем на улице, что повышает примерно до 95% наши шансы снова встретить сорвавшегося человека. А при встрече самое важное напомнить ему, что люди могут перемещаться с этапа на этап, как в прямом, так и в обратном направлении, и что мы принимаем его таким, какой он есть и готовы снова пройти весь этот путь вместе.

***Что помогает человеку изменяться
и двигаться от этапа к этапу?***

Размышления об изменениях в собственной жизни наркопотребителя и цели этих изменений помогают продвигаться вперёд на ранних этапах. Собственно, само изменение поведения помогает человеку перешагнуть на следующий этап, и поэтому мотивационное консультирование особенно полезно на ранних этапах. Весьма важно, чтобы наркозависимый рассматривал изменения

как процесс, а не как сиюминутное исполнение желания по мановению волшебной палочки. Кроме того, следует обратить внимание на тщательное обдумывание последующих шагов и принятие решения с учётом всех «за» и «против», а также уверенность в собственных силах и самой возможности измениться.

Если социальный работник не смог помочь наркоману перешагнуть на любой из следующих этапов, или даже если он так и не принял решение изменить свою жизнь, тем не менее, такая ситуация всё равно рассматривается нами как вполне приемлемый результат, поскольку наркозависимый уже владеет определенной информацией, способной повлиять на его поведение при употреблении наркотиков, и он знает, куда обратиться, если захочет отказаться от наркотиков. Рано или поздно человек захочет вернуться к обсуждению вопроса об изменении поведения, поэтому социальному работнику важно сохранять контакт с ним.

***Что влияет на отношения социального работника
и наркопотребителя***

Для социального работника, занимающегося консультированием потребителей наркотиков, очень важно осознавать, что влияет на их взаимоотношения, поскольку именно отношения между консультантом и наркозависимым лежат в основе консультирования. Качество взаимоотношений, взаимопонимание социального работника и наркопотребителя — вот что часто определяет успешность консультирования.

Итак, попробуем определить, от чего именно зависят отношения «социальный работник—наркоман». Это, прежде всего, определённая система взглядов социального работника и система этических принципов его работы. Социальные работники считают своими основны-

ми ценностями — ответственность, беспристрастность и уважение. Этические принципы и правила работы формируют условия, при которых сохраняются гуманность действий и уважение людей, с которыми работает социальный работник. Полное и беспрекословное соблюдение Этического кодекса — один из основополагающих принципов уличной социальной работы.

Личный жизненный опыт

Каждый из нас обладает собственной личной историей, индивидуальным жизненным опытом. Даже похожие события в жизни разных людей часто переживаются ими по-разному, что уж говорить о тех случаях из жизни, которые один из участников беседы не переживал никогда. Различия в жизненном опыте социального работника и наркомана могут приводить к взаимному непониманию, но эта проблема разрешима. Часто приводят пример: «Мужчине-акушеру не обязательно самому рожать ребёнка, чтобы хорошо понимать, чем он может помочь женщине; хотя опыт принятия родов он всё же должен иметь». Поэтому социальному работнику крайне важно помнить следующее: то, что ему самому кажется само собой разумеющимся, часто не является таковым для собеседника-наркомана. И это происходит не потому, что он глупее или хуже вас, а потому, что вы и он — разные люди, и ваши различия в огромной степени обусловлены именно разным жизненным опытом: системой воспитания, условиями жизни, семейными и личными взаимоотношениями, определенными событиями социальной жизни, уровнем благосостояния, интересами и проч. Мы признаём за наркоманом право на собственный жизненный опыт, и не делаем попыток понять его, исходя лишь из событий и переживаний, которыми была наполнена наша жизнь.

На улице часто бывает, что человек, явно употребляющий наркотики, еле стоит на ногах, но при этом утверждает, что он трезвый и вообще никакого отношения к наркоманам не имеет. Тогда мы говорим: «Может, кто из друзей или знакомых есть, кто употребляет?», — «Есть». «Ну, тогда передай им нашу визитку и расскажи о том, что у нас можно...». Контакт установлен, человек выслушал, взял визитку и в конце разговора, поняв, что опасности нет, перестаёт лукавить. И, если произойдёт следующая встреча, он уже будет более открыт для разговора. Главное — это установить дружеский контакт с человеком, и не важно, какая там у него была или будет «легенда». Любую версию можно поддержать и, в то же время, донести до него то, что необходимо.

Как социальный работник воспринимается наркопотребителями: стили работы социального работника в процессе консультирования

Не секрет, что нас часто воспринимают именно так, как мы себя ведём. Это утверждение верно и для взаимодействия «социальный работник — наркоман» во время консультирования. В современной психологии выделяют следующие стили поведения социального работника.

Авторитарный — когда социальный работник, консультирующий наркомана, в категоричной форме требует от человека определённого поведения или действия, принимая решения за него («Слушайте и запоминайте мои советы! Тогда всё будет хорошо...»). Для уличной работы этот стиль может представлять определённую угрозу социальному работнику.

Директивный — социальный работник активно даёт советы, предлагая наркоману следовать им («Вам лучше слушать меня... Уж я-то знаю, что посоветовать. Мои советы могут помочь Вам...»). Используя такой метод,

можно быть уверенным, что в 99% случаев наркоман больше не будет Вас слушать и не подойдет.

Скрытый директивный — социальный работник, проявляя себя достаточно гибким и мягким человеком, внешне, «между строк» пытается подвести своего собеседника к решениям, которые определяет он сам («Я Вас понимаю... Но мне кажется, что Ваша проблема не в этом... Лучше будет, если Вы...»).

Уступчивый — социальный работник находится под некоторым влиянием наркомана и, зачастую, скрывает своё мнение («Я готов пойти на многое, лишь бы мой собеседник остался доволен»).

Соглашательский — социальный работник принимает сторону наркомана, разделяет его мнения, убеждения и находится под полным влиянием своего собеседника (податливость, непонимание сути происходящего, отсутствие целей и задач консультирования).

На улице мы шутим, что если быть уступчивым и во всём согласным с наркоманом, то можно сразу сказать: «А ещё я готов отдать Вам своё имущество и оплатить Вашу пагубную привычку...».

Наиболее эффективными признаны «партнёрский» и «ориентированный на собеседника» стили консультирования.

Партнёрский — социальный работник и наркозависимый совместно пытаются разобраться в проблеме и найти выход, объединив свои усилия и знания («Кажется, я догадываюсь, в чём суть Вашей проблемы, но хотел бы лучше понять, как Вы это видите...»; или «Давайте вместе попробуем разобраться, в чём тут дело. Что Вы об этом думаете? Я вижу это так...»).

Ориентированный на собеседника — консультант поддерживает и поощряет наркопотребителя разбираться в собственных проблемах («Вы лучше меня знаете свои проблемы...»).

Консультирование или другая посторонняя помощь могут запустить, облегчить, направить процесс изменений, но далеко не всегда являются его причинами. Продолжительность консультирования не играет большой роли для изменений, так же как и само консультирование не имеет решающего значения, но, безусловно, отражает процесс начавшихся изменений и помогает наркопотребителю разобраться в нём.

Очень важно, чтобы люди из окружения наркомана, которые верят в возможность его «возвращения» в нормальную жизнь, умели соперничать и поддерживать. Эта миссия консультантов, сослуживцев, друзей и членов семьи. Но самая большая ответственность лежит на профессионально обученных социальных работниках, умеющих целенаправленно проявлять соперничество и поддерживать человека на его труднейшем пути к самому себе, обновлённому.

Именно социальные работники, работающие с наркоманами непосредственно на улице, и открывают перед ними дверь в новую трезвую жизнь.

Воспоминания о событиях, побудивших открыть реабилитационный центр на приходе

прот. Сергей Рыбчак

Тринадцать лет назад произошло два события, повлиявших на создание на приходе реабилитационного центра для наркозависимых «Подвижник». Ещё задолго до этих событий ко мне обращались родители наркоманов с просьбой что-нибудь сделать для их заблудших

детей. Никакие медицинские средства, к которым они прибегали, не помогали. Оставалось для них последнее, крайнее средство, — обратиться к Церкви за помощью. Безусловно, мы молились, беседовали с наркоманами и родителями, но всякий раз убеждались, что этого было недостаточно. И вот однажды паренёк-наркоман Дима, совсем недавно крестившийся, был обнаружен прихожанами у дороги возле леса избитый, со сломанными руками, рёбрами и еле живой. Как стало известно потом, он задолжал очень большую сумму денег наркоторговцам, за что и был зверски избит в лесу и брошен умирать, но чудом выполз к дороге, где его и подобрала добрые люди. После оказания медицинской помощи ему некуда было идти, так как бандиты забрали у него с матерью квартиру. Он пришёл в храм, мы нашли ему место, где жить, а для матери выпросили комнату в общежитии. Дима прожил в храме 1,5 года. За это время мы много общались, он читал Евангелие, задавал много вопросов, тщательно готовился к исповеди и Причастию. Впоследствии он стал алтарником. Это был первый опыт успешной реабилитации наркомана. Но не это, а ещё более трагическое событие привело нас к решению создать стационарный реабилитационный центр.

Однажды ко мне в кабинет прибегает алтарник Дима и кричит, что возле храма на территории бывшего детского садика в беседке умирает от передозировки парень. Вызвали скорую помощь, Дима старался оказать помощь до приезда врачей, но парень умер. Врач скорой помощи констатировал смерть. Для всех нас это было очень скорбное событие. Но настоящий шок я испытал, когда узнал обо всех обстоятельствах гибели этого молодого человека. О них мне рассказала его мать, которую я встретил возле храма в безутешных рыданиях. Оказалось, что сделать «золотой укол» своему сыну предложили сами родители. По словам матери, они очень

устали от того, что ничего не помогает. Они потратили все сбережения на больницы, а парень, при случае, выносил из дома всё, что можно было продать. И вот, на очередном семейном совете, родители предложили ему более не мучить их и не мучиться самому и дали ему денег, чтобы он взял столько героина, сколько нужно для передозировки. Местом для исполнения задуманного был выбран двор, находящийся сразу за церковной оградой. Мать наблюдала, как её сын готовил укол, и покинула беседку только после того, как он начал терять сознание. Понятно, что желанного покоя эти родители после гибели ребёнка не обрели, и муки совести вскоре привели женщину в храм.

После этих трагических событий мы стали активно искать возможности для создания стационарного реабилитационного центра, чтобы не только помогать попавшим в беду детям, но и, порою, спасать их от собственных отчаявшихся родителей. Как только мы приняли это решение, промыслом Божиим познакомились с Вячеславом Владимировичем Боровских, врачом-наркологом, который сам искал священника, равнодушного к погибающим от наркотиков молодым людям. Предстояло реализовать наше совместное желание по созданию реабилитационного центра. Прежде всего, в октябре 2000 года, на открытие центра было получено благословение правящего архиерея, архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия. К нашей радости администрация города с лёгкостью отдала нам здание заброшенного детского садика возле храма, и мы начали восстанавливать его помещения для проживания первых реабилитантов. Территория детского сада, на которой произошла драма с самоубийством наркомана, была присоединена к территории прихода. Так было положено начало деятельности нашей церковной общины по реабилитации наркозависимых.

Приготовление наркозависимых к жизни на церковном приходе⁵

Игумен Мефодий (Кондратьев)

Кого следует отправлять на приход, и на какой срок

Тому, кто направляет наркозависимого на приход или в монастырь, необходимо должным образом подготовить его к жизни при храме. От этого приготовления в значительной мере будет зависеть, насколько благополучным окажется не только начальный период церковной жизни у наркозависимого, но и сложится ли он вообще. Конечно, к неудаче воцерковления и церковные служащие не отнесутся, как к полной неудаче, и они согласны считать добрым результатом, если реабилитант в дальнейшем просто сможет жить без рецидивов наркотизации. Но для достижения хотя бы этого, более скромного результата, также потребуется правильно сориентировать пациента на период его приходской жизни.

⁵ Статья впервые напечатана в Информационном бюллетене Круглого стола по религиозному образованию и диаконии (ОВЦС РПЦ) в 2004 году, написана на основании начального опыта служителей Свято-Георгиевского прихода по работе с наркопотребителями. В последующие годы реабилитационный процесс на приходе претерпел значительные изменения. Для церковных общин, приступающих к реабилитации, целесообразно соблюдать подобную последовательность и постепенность в развитии этого социального служения. Статья дает представление о начальном периоде совместной жизни с попавшими в наркотическую зависимость людьми, периоде «притирки» и принятия решения: идти в этом служении дальше или отступить. Следует заботиться о том, чтобы присутствие наркозависимых воспитанников не разрушило приходскую жизнь, напротив, поддержало и обогатило её. Опыт показал, в том числе опыт Свято-Георгиевского прихода, что это достижимо, что реабилитация может органично вписаться в приходскую жизнь.

Подготовку лучше проводить индивидуально с каждым из тех, кто выражает желание после реабилитации в мотивационном центре пожить на приходе. Сначала целесообразно выяснить его помыслы о приходской жизни, затем восполнить или исправить их, дав им правильное направление. В первую очередь, требуется, чтобы бывший наркоман ясно понимал, с какой целью он едет на приход. Об этом следует его самого расспросить, и именно ответ на этот вопрос будет определять, есть ли вообще смысл отправлять его на приход.

Ответы на данный вопрос могут быть разными, однако, они должны выявить либо желание активного воцерковления, что предпочтительно, либо просто желание изменить себя к лучшему, усвоив иной стиль поведения, иной образ жизни в окружении православных людей. Желание менять себя, работать над собой дают основание для выезда на приход.

К сожалению, нередко наркозависимые смотрят на свое предполагаемое пребывание на приходе, как на отбытие должного наказания за преступное прошлое, как на временную тягостную добровольную ссылку ради успокоения своей совести или для успокоения родителей и родственников. Часто именно родители желают отправить измучившего их наркомана пожить при храме, надеясь, что пребывание там пойдёт ему пользу, или, просто желая ещё немного отдохнуть от него, принуждают его к согласию на ссылку. Если мотивировка к жизни на приходе такова, то на приход такого пациента отправлять нецелесообразно. Приход — не тюрьма и не каторга, не место, где хоронят молодость. Конечно, для жизни при церкви могут быть высказаны и иные неблагоприятные причины, здесь необходимо понимание.

На какой срок жизни при храме должен себя настраивать реабилитант? По согласному мнению священников, на опыте изучивших проблему, — на достаточно дли-

тельный, где-то от полугода до полутора лет, а может быть и дольше. Но решать это будет он не сам, а в согласии со своим духовником. Отъезд без благословения духовника нередко приводит к нежелательным последствиям. Но и пересидеть на приходе тоже не следует. Духовник подскажет.

Здесь следует сделать одну оговорку. Наркозависимые (и их родители), как правило, уже ведают, насколько длительным должно быть их пребывание на приходе, так что внесение корректив в эти сроки встречает с их стороны неприятие (обиду, беспокойство, огорчение). Но по приезде нового пациента на приход может выясниться, что данный приход со своим укладом, с наличным составом его насельников, не совсем подходит для реабилитации и воцерковления приехавшего реабилитанта. Или реабилитант со своими особенностями не вписывается в это братство, и не потому, что он плохой или бесперспективный, он другой, на ином месте ему, быть может, цены не будет. Поэтому пожелание приходского духовника переместить этого пациента не следует однозначно расценивать, как приговор и отвержение. Просто переместить. Хотя, действительно, бывает и так, что наркозависимый настолько нарушает жизнь прихода, что чем быстрее он отъедет, без всякой рекомендации о переезде на другой приход, тем лучше.

***Что ждёт наркозависимого на приходе,
и чего ожидают от него***

Приходы, принимающие наркозависимых после их реабилитации в каком-либо мотивационном реабилитационном центре, могут значительно отличаться друг от друга. Не усложняя своей задачи, расскажу о том, что ожидает подающего надежды выпускника такого центра на приходе, где я являюсь настоятелем и духовником,

и понимания каких вещей нам, в идеале, хотелось бы видеть у него. Многое из сказанного будет справедливо и относительно иных приходов, но, наверное, не всё. Прежде всего, несколько слов о нашем, Свято-Георгиевском приходе.

Приход расположен на северном берегу Горьковского водохранилища. С юга и востока доступ к нему ограничивают речные воды, с севера — леса и болота. Подъездная дорога с запада, ужасно разбитая, заканчивается перед речушкой Валы, перейдя которую по деревянному мостику, реабилитант входит в небольшое село Георгиевское. В селе не живет никто, кроме служителей храма. В числе этих служителей уже несколько лет нет представительниц женского пола. Костяк малого мужского братства составляют четыре монаха: два игумена и два иеродьякона. Число реабилитантов, одновременно проживающих на приходе, колеблется от семи до десяти человек. По мнению монашествующих насельников, это идеальное место для работы над собой в служении Богу.

Понимания каких вещей хотелось бы видеть у каждого из желающих жить с нами (не только у экс-наркоманов)? К чему их следует готовить? Для удобства разобьем дальнейшее на пункты.

1. Необходимо, чтобы всякий приходящий на приход стремился слышать, чувствовать, понимать тех, кто живёт рядом с ним, был способен почувствовать общую атмосферу прихода и не разрушать её. Само вхождение должно пройти, по возможности, тихо, спокойно, чтобы пришедший смог увидеть, как здесь жили до него, увидеть нечто доброе, объединяющее братию, с тем, чтобы при своем вхождении не деформировать и не исказить сложившиеся отношения, напротив, обогатить приходскую жизнь богатствами своей души. Но это в идеале. А по минимуму новый насельник не должен хотя бы грубо

выпадать из общей жизни, хотя бы он мог воспринимать прозрачные намёки на ошибки своего поведения. Если начинать совместную жизнь с прямых замечаний и, не дай Бог, выговоров, то такая совместная жизнь не принесёт никому ни радости, ни особой пользы.

2. По приезде новичка устроят в какой-либо келье, объяснят, куда можно ходить, а куда ходить не следует, объявят распорядок приходской жизни. В отношении остального он в значительной степени должен ориентироваться сам. Кому и в чём подражать, от кого и чему учиться. Всё, что запрещено братии, запрещено и ему, но не всё, разрешённое давним насельникам, тем самым и ему разрешено. Это понятно, но детали лучше уточнять.

Теперь главное. Если вновь прибывший будет спрашивать, то ему будут отвечать на его вопросы по силе разумения, а если не будет спрашивать, то едва ли кто станет набиваться ему в наставники, потому что состояние учителя трудно совместить со смиренным мнением о себе. С другой стороны, практически всегда люди пропускают мимо ушей поучения непрошенных наставников, так что, пытаясь их образумить, только бросаешь слова на ветер, зря тратишь силы. Такие «назидательные» неостребованные речи подвижники расценивали, как пустословие. Даже духовник не будет навязываться с советами. Ещё менее настоятель, первая забота которого связана с тем, как совершаются богослужения, вторая — как отладить внешнюю жизнь прихода, затем святая обязанность присматривать, чтобы отношения между братьями были мирными, и ещё целая гора прочих забот. Основное беспокойство о своем спасении каждый должен проявлять сам. «Наше дело создать человеку условия для спасения, а спасается человек или нет — сам смотри», — говаривал преп. Моисей (Путитлов), настоятель Оптинский.

На этом пункте многие спотыкаются. Новичок может почувствовать себя заброшенным, хотя это не так. До сих пор все лезли его учить: школьные преподаватели, родители, друзья, подруга, сотрудники реабилитационного центра, — он к этому привык, а на приходе не так. Например, делает он какое-то дело, и кто-то, проходя, глянет и не сделает никакого замечания. Новый брат решит, что это означает одобрение того, как он исполняет послушание, или согласие с тем, что он предпринял по собственной инициативе. Но для подобного вывода нет достаточных оснований. Надо было бы ему спросить, так ли и то ли он делает, и тогда, неожиданно для него, мог бы услышать в ответ от брата, что не так и не то. Только в том случае, если его деятельность может закончиться бедой или значительным уроном для прихода или для него самого, его остановят, да и при этом, может быть, дадут ещё время одуматься или спросить самому. Это пример относительно послушаний.

Тем более надо научиться вопрошать о духовной жизни.

Итак, с самого начала надо внимательно смотреть, вдумчиво слушать и обо всём спрашивать у могущих наставить. Иначе можно полностью дезориентироваться и бесплодно потерять время.

3. Ещё одна вещь смущает реабилитантов: отсутствие похвалы после хорошо сделанного дела. Многие на приходе только и начинают трудиться, и каждое завершенное задание для них событие, а похвалы, кроме разве самого скромного одобрения, не слышно. От такого огорчения руки опускаются, и пропадает желание заниматься чем-либо. Но такова традиция братства: не строить благополучие прихода посредством эксплуатации тщеславия насельников.

4. Подробнее о послушании. Пришедший спасаться на приходе должен настроить себя на исполнение каждой просьбы и настоятеля, и любого из братии. Ему

даётся возможность проявить свою любовь к живущим при храме насельникам самым убедительным образом: каждую их просьбу он пусть рассматривает, как **обязательную к исполнению**. Приказов и повелений никто на приходе не делает. Просто все положили себе за правило облегчать жизнь друг другу взаимно исполняя благоразумные пожелания ближних. Общую же заботу обо всех несёт на себе настоятель, и потому его просьбы братья стремятся исполнять в первую очередь. Всё происходит без нажима, просто, по-семейному. Если же кто-то из раза в раз пренебрегает, не обращает внимания на просьбы собратий и, особенно, на просьбы настоятеля, то это свидетельствует о том, что он не хочет жить с ними общей жизнью, ну тогда пусть и телесно отдаляется, переходит в иное место на жительство. И это его желание отдалиться должно осуществиться мирно, без ругани и без обиды с его стороны, как и на него никто не обижен, просто совместная жизнь не сложилась.

Какие относительно послушания возникают недоумения? Первое, это то, что многие простую, в двух-трёх словах без акцентирования произнесённую просьбу как бы вовсе и не слышат. Если на них вытаращат глаза, повысят голос, притопнут ногой, и притом пригрозят санкциями, то вот тут они поймут, что именно это и означает идти исполнять послушание. Но в такой форме данное послушание означает насилие над послушником, тогда как в смиренной просьбе насилия нет. Если вспомнить пункт первый, то и относительно него заметим, что в деликатном намеке также нет насилия, есть лишь оповещение брата о его промахе, а в замечании и, тем более, выговоре уже присутствует насилие. Но никто из ищущих для себя настоящего блага не желает проявлять насилия над ближним. А если какой брат упорно не желает жить в атмосфере взаимного внимания и единения, то не разорять же из-за него сложив-

шийся на приходе порядок жизни, пусть уж он сам поищет для себя место, где люди общаются между собою на очень понятном для него вызывающе жёстком языке. В этом мы не можем пойти на уступки.

Вторая, столь же частая и не менее опасная ошибка относительно послушания состоит в том, что люди, по большей части, полагают, будто главной целью послушания является достижение во всех делах максимального успеха, наилучшего результата, а целью является спасение, которое требует отсечения своей воли. Весь догматический смысл православной аскезы может быть выражен всего одной фразой: «Да будет воля Твоя, а не моя, Господи». С другой стороны, один из самых известных сатанистов прошлого столетия Алистер Кроули учит, что самый короткий путь к демонизации человека можно указать также всего одной фразой: «Делай, что хочешь». Поэтому главное правило относительно послушаний на приходе гласит следующее: «Делай дела не так, как тебе кажется лучшим, а как просят это дело исполнить». Это действительно очень трудное правило. Вся натура бунтует, если мы знаем, как сделать данное дело и лучше, и быстрее, а нас понуждают выполнить его иначе. Или мы уверены, что не этим делом следует сейчас заняться, а совсем другим. Когда преп. Моисея Оптинского спросили, что всего труднее у вас в монастыре, то он ответил, что труднее всего послушаться.

Некоторым облегчением данного «жёсткого» правила является следующее снисхождение. Относительно всякого предстоящего дела насельнику позволительно один раз высказать свое мнение, если ему кажется, что он знает, как данное дело лучше выполнить, или мнится, что дело до времени надо отложить, или вовсе его не делать. Но после того, как брат выскажется, ему следует исполнить задание так, как попросят, независимо от того, прислушаются ли к его мнению или нет. Когда

соглашаются с мнением брата, то это не является с его стороны непослушанием только в том случае, если, высказывая свое видение, он просто исповедал свой помысел, не споря и не настаивая на нём.

5. Теперь о покаянии. У нас духовник приглашает вновь прибывшего брата на первую исповедь обычно недели через две по приезде. За это время новый насельник осмотрится, немного привыкнет, успокоится, получит возможность вновь направить внимание внутрь себя, что важно для прохождения данного таинства. Со своей стороны и духовник присмотрится к брату, начнёт его чувствовать. Тем, кто входит в братство, рекомендуется пройти генеральную исповедь, рассказать обо всех значительных и значимых грехах, которые человек помнит, начиная с самого детства. И не только о грехах, но и о родителях, немного о близких друзьях, о важных, переломных событиях жизни, о своих интересах, о своей системе ценностей. Но это должен быть очень собранный разговор перед лицом Бога, ни в коем случае не болтовня. И духовник, и исповедник — оба находятся на суде, и оба должны хранить тайну своего разговора, что, увы, не все понимают. От духовника требуют хранения тайны, а от человека исповедавшегося — нет. Но, принимая у человека исповедь, духовник тоже взаимно открывает ему свое сердце, старается быть предельно искренним. Духовников очень часто предают.

Человек, начинающий духовную жизнь, должен иметь некоторое понятие о покаянии. В покаянии надо выделить две его составляющие: примирение с Богом и несение епитимьи за грехи. Первое происходит быстро. Если человек осуждает свое греховное прошлое и обещает вести добрую жизнь по заповедям, то через это сразу получает доступ к Богу и возможность полноценно участвовать в жизни Церкви (хотя многие духовники не считают излишним некоторых раскаявшихся греш-

ников на более или менее длительное время удерживать от причащения). Второе — болезненное несение назначенных Богом трудов покаяния — при всём старании и усердии раскаявшегося грешника, будет продолжаться долгие годы (относительно бывших наркоманов это неизбежно), потребует многого терпения. Причём духовное преуспевание у людей, пресытившихся пороком, будет, как правило, незначительным (то есть, это значит, что после совершения многих и тяжких грехов следует оставить мечты об особых духовных озарениях, откровениях и дарованиях от Бога).

В центре приходской жизни находятся настоятель и духовник. На большинстве приходов духовник и настоятель — одно лицо (так и у нас). Очень трудно быть искренним и поверять всё самое скверное о себе человеку, как духовнику, если во многом зависишь от него же, как от настоятеля. Причем текущие свои проступки, даже незначительные, открывать гораздо сложнее, чем бывшие в прежней жизни, в ином месте и среди иных людей. Надо эту ситуацию заранее осмыслить, и, как это ни трудно, надо понять и принять, что на доверии к духовнику строится духовная жизнь каждого из братии и всего прихода в целом. Кроме понимания, здесь потребуется немало мужества. Искренность и открытость необходимы. Но особенно сложно становится, когда поднимается внутренняя брань против самого духовника, а кого она временами не испытывает на прочность? Коренная братия знает, что после исповеди таковых помыслов расправа не наступит, хотя и они стараются выбирать выражения. А для новичка, да ещё с печальным прошлым и неустойчивым настоящим, искренняя исповедь об этой брани почти невысказима, но уверяю — и большинство духовников со мной согласятся — они не ошибутся, если решатся сказать духовнику, что, по временам, о нём думают.

И последний момент в разговоре об исповеди. Во многих случаях участниками серьезного проступка становятся сразу несколько братьев. Кто-то сразу сожалеет о содеянном и желает идти каяться, а кто-то не спешит с покаянием. Но в маленьком братстве при исповеди одного из братьев, даже если тот не желает специально выдавать остальных (желает покаяться, а не наобидничать), духовник (он же и настоятель), вовсе не обладая проницательностью сыщика, может легко догадаться, кто ещё и в каком качестве был участником означенного события. Не всегда, но часто. И тот, кто хочет покаяться, это понимает. Идти ли каяться? Если духовник старается быть отцом для подопечных, то — вне всякого сомнения и без промедления — да. Если же он явным образом отцом не является, то сразу на данный вопрос не ответить: в разных случаях могут быть приняты разные решения.

6. Что следует делать, если насельник увидит согрешающим иного брата? Вопрос со всей обстоятельностью рассмотрен в четвертом поучении аввы Дорофея, необходимо процитировать это важное место.

«Если случится кому видеть, что брат его согрешает, не должно презреть его и умолчать о сём, попуская ему погибнуть, не должно также ни укорять, ни злословить его, но с чувством сострадания и страхом Божиим должно сказать тому, кто может исправить его, или сам видевший пусть скажет ему с любовью и смирением, говоря так: “Прости, брат мой, если не ошибаюсь, мы не хорошо это делаем”. И если он не послушает, скажи другому, о котором знаешь, что он имеет к нему доверие, или скажи старцу его, или авве, смотря по важности согрешения, чтобы они его исправили, и потом будь спокоен. Но говори, как мы сказали, с целью исправить брата своего, а не ради празднословия или злословия, и не для укорения его, не из желания обличить его, не

для осуждения, и не притворяясь, что исправляешь его, а внутри имея что-либо из упомянутого. Ибо, поистине, если кто скажет и самому авве его, но говорит не для исправления ближнего или не для избежания собственного вреда, то это грех, ибо это злословие; но пусть он испытает сердце своё, не имеет ли оно какого-либо пристрастного движения, и если так, то пусть не говорит.

Если же он, рассмотрев себя внимательно, увидит, что хочет сказать из сострадания и для пользы, а внутренне смущается некоторым страстным помыслом, то пусть он скажет авве со смирением и о себе, и о ближнем, говоря так: совесть моя свидетельствует мне, что я хочу сказать для исправления брата, но чувствую, что имею внутри какой-то смешанный помысел,... — и тогда авва скажет ему, должен ли он сказать или нет. ...Когда кто говорит единственно ради пользы брата, то Бог не попустит, чтобы произошло смущение, чтобы последовала скорбь или вред».

7. Едва ли найдутся такие невежды, которые не слышали, что Бог дал заповедь о любви. Но грешники умудряются толковать эту заповедь в свою пользу. Например, они полагают, что если им представится возможность пожить при церкви, то, несмотря на их прошлое и настоящее прескверное поведение, и Бог, и Его служители будут этих грешников всячески ласкать и ублажать, на их хамство и лень будут закрывать глаза, а с каждой их прихотью будут считаться. Смее уверить, что такого понимания любви, нет ни на каком приходе. Приходящий жить при храме не должен строить по этому поводу никаких иллюзий. Более того, многие слабости, на которые в светском обществе попросту не обращают внимания, на приходе будут встречены очень неодобрительно (к ним относятся, например, курение и жаргонный характер речи). К тому же нетрудно догадаться, что значительная, а, скорее всего, бóльшая часть

служащих при храме людей сами делают только первые шаги на пути спасения, и потому очень далеки от совершенства в любви. Приходится и здесь быть готовым к самым неожиданным искушениям.

8. Всякий человек испытывает потребность в различных вещах, но одни умеют обходиться малым, а другие нет. При отсутствии нужной вещи как надо поступить? Можно необходимую вещь попросить, но если откажут, тогда не смущаться и не роптать (мера новоначальных). Можно не просить, но ждать, пока её предложат, а когда предложат, тогда сразу с благодарностью принять (мера значительно преуспевших). Можно, наконец, когда необходимую вещь предлагают, сначала от неё отказываться, но если продолжают уговаривать, тогда только согласиться и взять, славя Бога (мера близких к совершенству подвижников). В какой мере находятся приехавшие на реабилитацию молодые люди? Ответ очевиден, и потому будет очень хорошо, если они смогут устоять в пределах меры новоначальных (те, кто долго живет при храме, и они не дерзают на большее). На приходе действует общее правило: надо без стеснения сказать настоятелю или ответственному брату о всякой своей нужде, о любой возникшей бытовой проблеме. Но при этом надо быть готовым получить отказ. Если высказанную просьбу почему-то не исполнят или нужду оставят без внимания, не следует ни огорчаться, ни смущаться, ни роптать. А в дальнейшем не надо бояться вновь о чем-либо просить вследствие этого отказа.

9. На приходе придётся много трудиться. Во-первых, это объективно требуется для выживания прихода в современной ситуации разрухи и нищеты. Во-вторых, труд, правильно понимаемый, является первой ступенью на лестнице духовного делания, и через эту ступень нельзя перескочить. Святые отцы так определяют эти ступени: а) умаление грубых страстей в трудах

послушания; б) псалмопение (устная молитва); в) умная молитва; г) созерцание. Первое соотносят с мерой послушников и благочестивых мирян, второе — с мерой мантийных монахов, третье — с мерой схимников, на четвёртую восходят единицы из наиболее духовно одарённых подвижников. Знание этого поможет устоять против коварного помысла, что вновь прибывшего на приходе рассматривают лишь как рабочую силу. Если кто-то из реабилитантов не пожелает понудить себя на физический труд, не приобретёт привычку прилежно трудиться, то он не только ни на шаг не продвинется в духовной жизни (что многих из них, впрочем, совсем не огорчает), но, вернувшись в мир, едва ли устоит от рецидива наркотизации.

Ещё о труде. Опыт показывает, что люди, имевшие опыт наркотизации, довольно небрежны в обращении с рабочим инструментом и часто выводят его из строя: ломают не только сложные механизмы, но и лопаты, колуны, стамески, — всё, что им дают в руки. Дело, сделанное их руками, тоже нередко приходится переделывать. Сразу от этого не уйти. Приходится снова и снова терпеливо призывать их к бережному отношению к вещам общего пользования, к инвентарю, к порученному делу, приучать, чтобы они старались всё делать аккуратно. Начинать говорить с ними об этом необходимо ещё до отъезда на приход.

10. Чтобы уйти навсегда от жизни в грехе (в частности, от наркотиков), надо очень многое переосмыслить. Грешник наивно надеется счастливо устроить свою жизнь путем утеснения ближнего, пожить за его счёт. Действенным стимулом к изменению такого ложного отношения к жизни является усвоение духовного закона о восприятии на себя грехов ближнего через ненависть или любовь к нему (подробно вопрос изъяснён у преп. Марка Подвижника). О восприятии через нена-

висть нужно сказать следующее: если мы причинили какую-либо досаду ближнему (обокрали, обесчестили, избили, живём за его счёт насилием или хитростью и т.д.), то, по мере этой досады, грехи ближнего как бы переписываются на нас, и мы будем за эти грехи, вместо обиженных нами людей, расплачиваться. Так что слова Священного Писания о том, что любящий неправду ненавидит свою душу, можно понимать именно в этом смысле.

11. О том, что на любом приходе неохотно мирятся с курением (а на некоторых не принимают курящих вовсе), я уже упомянул. Когда бросать курение? Ещё до выезда на приход. Болезненный период, наступающий после оставления вредной привычки, должен закончиться вдалеке от храма. Если же время упущено, то не надо советовать выкурить последнюю сигарету перед отходом поезда. Не желательно, чтобы первые дни на приходе были тягостными. От этого может возникнуть устойчивая неприязнь к самому месту нового жительства и к его обитателям. Пусть пройдет две-три недели, и тогда, при моральной и молитвенной поддержке братии, бросить курение.

12. При совместной жизни в приходской общине всегда найдется почва для разногласий, постоянно возникают разные недоумения, неизменно обретаются поводы для споров. Как в этих случаях себя вести, что диктует благоразумие? Даже если тебе кажется, что ты во сто раз более прав, всё же лучше уступить не совсем правому брату и не огорчать его, если в этом нет греха.

Получилось двенадцать пунктов. На самом деле их больше. И каждый из означенных может быть изложен более пространно. Пусть это и сделают те, кто готовит наркозависимых к жизни на приходе. Трудно искалеченным грехом людям во всём этом быстро и в нужной степени разобраться. Тем более, если наркозависимый

не был подготовлен к жизни при церкви. Прибыв на приход, он не может сразу точно сориентироваться и совершает досадную оплошность. Если до него здесь начали совершать свое воцерковление его друзья по несчастью, то к ним он и прилепляется, вместо того, чтобы благоразумно несколько сторониться их. У них он спрашивает совета, с ними делится переживаниями, рассказывает им о своей полуманной жизни, делит с ними досуг. Но этого делать не следует. На приходе надо жаться к тем, кто научился шествовать по жизни, избегая греха. А относительно соблазнительных воспоминаний, относящихся к периоду наркотизации, следует придерживаться следующего: даже наедине с собой лучше побыстрее избавиться от них, надо настойчиво гнать их от себя. На приходе дается шанс дать жизни новое наполнение.

В деятельности прихода или монастыря, в отличие от деятельности светских реабилитационных центров, работа с наркозависимыми людьми не является главной. Для церковной организации это всего лишь одна из форм социального служения. Данное обстоятельство способствует достижению важного для успешной реабилитации результата. Пагубной ошибкой наркомана является его упрямое желание думать, что жизнь вращается вокруг него. До сих пор отношения с родителями в семье, годы учебы, прожигание жизни в компании себе подобных, даже реабилитация в светском центре, где сотрудники постоянно нянчились с ним, не заставили его признать всю абсурдность данной аксиомы его бытия. Сложность состоит не в том, чтобы понять это, а в том, чтобы с этим смириться. В центре приходской и монастырской жизни находятся Бог и богослужение, всё иерархически выстраивается вокруг этого центра. Настоятель и монашеское или приходское братство не диктуют основные правила жизни, они не более, чем

служители. Законодателем и хозяином является Бог. Так это и везде в мире, но мир не желает с этим согласиться, и потому увидеть истинный центр жизни вне Церкви непросто. А в жизни церковной общины такое положение вещей очевидно. Поскольку «подвинуться» надлежит не перед человеком, а перед Богом, и пред глазами молодого человека предстоит добрый пример подобных ему людей, сделавших этот шаг, то он, наконец, занимает своё настоящее место. Следствием является резкая перемена в его отношениях с окружающими, в первую очередь, с собственными родителями. Мы на своём приходе приветствуем посещение родителями детей во время их реабилитации и являемся свидетелями многих семейных примирений. Человеку, сумевшему один раз поставить себя на подобающее ему место, вернуться к прежнему безумию почти невозможно.

В заключение необходимо сказать, что я не питаю той иллюзии, что стремящийся на приход сразу всё адекватно воспримет, если с ним обо всём означенном обстоятельно побеседовать. Но пусть он примет в свое сознание сказанное, как предварительную прививку, тогда правильно войти в жизнь прихода ему будет уже несколько легче.

И самое последнее. Это обязательно надо донести до тех, кому мотивационный центр по реабилитации рекомендует пожить при храме. На приходе на приехавшего не смотрят, как на наркомана, а имеют добрый настрой обрести в нём нового брата. Греховное прошлое, коль скоро человек уходит от него, не будет поминаться ему. Грешником спасительно считать одного себя, а в ближних следует примечать не грехи, а образ Божий. Тот, кто благочестиво пожил среди приходских насельников, уже навсегда входит в их жизнь, остается в молитве братии, при желании всегда может приехать в гости, а, если в силах понести, то может и вовсе не уезжать с прихода.

Человеку дана власть самому сделать выбор: стать чадом Божиим, или же повернуться вспять и предпочесть вечной жизни с Богом свой грех. Бог не злопамятен, всё плохое он готов забыть. Всегда есть возможность положить начало. «Когда скажу беззаконнику: “Ты смертью умрешь”, и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду, [если] этот беззаконник... будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, — то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив». Иез. 33:14-16.⁶

⁶ В данной статье немало сведений об обычном течении приходской жизни. Но что-то осталось не прояснённым. На что следует обратить внимание служителям храма, прежде чем они дадут согласие на проживание на своем приходе наркозависимых людей? Как понять, имеется ли у прихода потенциал для работы с этой проблемной категорией граждан? Важным представляется следующее:

- Количество и духовное устройство членов приходской общины, постоянно живущих при храме, даёт возможность поддерживать на приходе атмосферу мира, согласия и доверия (желательным, но не необходимым является проживание на приходе воцерковленных молодых людей);
- Священник не злоупотребляет алкоголем, также как и все служители прихода, живущие при храме;
- Священник имеет опыт (потенциал для) духовного руководства молодыми людьми;
- Имеется отдельное жильё для наркозависимых воспитанников, приходские строения расположены компактно (лучше всего, если они находятся вне села, например, погост);
- Наличествует общая трапеза на приходе, священник питается вместе со служителями и воспитанниками;
- Имеется возможность не объединять в едином пространстве (проживание, послушания, питание) наркозависимых воспитанников с прибывшими к храму бомжами или проблемными мало-послушными трудниками (если таковые привечаются на приходе).

Работа с созависимыми родственниками

Екатерина Савина

Обычно выздоровление наркомана начинается с того, что за помощью обращаются его родственники. Нельзя сказать, чтобы они были более здоровы, чем наркоман, больше осознавали проблему и необходимость помощи для её решения. Скорее они видят проблемы наркомана со стороны, и им они «виднее», потому что проблемы касаются не их самих. Если им сказать, что прежде им самим нужно начать выздоравливать от созависимости, то нечасто удаётся встретить готовность менять себя. «Причём тут я? Это у него наркомания!». И всё же родственники нуждаются в помощи, даже если они это не вполне осознают.

Какая это может быть помощь в рамках прихода или монастыря, каковы мотивы обращения за помощью у самих родственников?

Возьмём для определенности семью, в которой есть сын-наркоман и его мама. Всё сказанное ниже вполне подходит и для других семей, где наркоманка — дочь или жена, где место мамы занимает отец и так далее.

Утешение

Близкие наркомана, несомненно, страдают сами. Они живут в постоянном страхе за жизнь наркомана и своё благополучие, они полны гнева на него и жалости к своей трудной судьбе. Могут звучать и сетования к Богу, мол, за что такая жизнь, и почему именно мне достался такой тяжёлый крест. Годы, проведенные в таком душевном состоянии, подорвали их здоровье. Они одиноки, потому что

многие друзья их покинули, а других они оставили сами: «Мою беду никто со стороны не поймёт». Часто такая мама приходит в храм не только за последней надеждой на выздоровление сына, но и просто за утешением.

Отечская фигура священника позволяет ей искать сопереживания, сочувствия, единения в отчаянном одиночестве её страдания. Мы не можем её оттолкнуть отсылком к тому, что она «сама виновата». Она об этом и сама часто говорит. Но, конечно, это не вся правда: её сын свободен. Хотя мама, возможно, и повлияла на то, что её сын стал наркоманом, но она не несет на себе всю вину за наркоманию сына. Неверно и губительно возлагать на нее всю ответственность за болезнь и поступки сына, потому что иначе ей всё и исправлять! — А она никак не может... Это работа, в первую очередь, самого наркомана, но ему можно в этом помочь. Конечно, в храме она должна услышать: «Молись, матушка». Но на что ей опереться в своей молитве?

Во-первых, на проверенный многими и многими наркоманами факт: её сын *может* выздоравливать. Независимо от того, долго ли он употреблял наркотики, какие иные последствия для его тела и души принесла наркомания, мы знаем много примеров трезвой благополучной жизни выздоравливающих наркоманов. Поэтому нужно продолжать надеяться — и нести эту надежду сыну.

Во-вторых, нет, и не может быть бессмысленного страдания, проживаемое горе имеет глубокий смысл для сына и для неё самой. Вот она пришла в храм. Боль привела её к Богу за помощью. Оказывается, она любит сына без условий, готова прощать его и жертвенно помогать ему. Оказывается, удовольствие и самость — не главное в жизни, и сейчас её сын узнал это на собственном примере. «Бог сделал больше, чем если бы просто упразднил зло, — Он заставил зло служить добру» (блаженный Августин).

Далее, Бог милостив, и это можно показать на примерах жизни мамы и её сына, это опыт, на который можно опереться. Сколько раз сын заслужил, чтобы в его жизни произошли многочисленные несчастья: тюрьма, больница, даже смерть... И Господь медлит в воздаянии, хотя и иногда резко останавливая наркомана, но долго терпит и ждёт... Значит, на милость Его можно надеяться, и просить о ней неотступно.

Наконец, чудеса Божьи существуют, они несомненны, и в них есть призыв. Можно многое показать и рассказать о том, как Бог избавляет от бед по молитвам близких и, в особенности, матери.

Бог всемогущ, и потому *может* избавить её сына от наркомании. Почему же не избавляет? Потому что ждет *его* покаяния, его усилий к преодолению зависимости от наркотиков, и материнского покаяния тоже. Дождется ли? Эту трудную работу должна начать именно мама, потому что у неё больше мотивации к выздоровлению. Бог в силах победить болезнь и дать начало новой жизни в выздоровлении сына — но разве может Он сделать это *против воли* самого наркомана? Нет, Он может только остановить и дать задуматься, но вылечить наркомана без участия его самого — значит только умножить его грех. А как сама мама себя при этом ведёт? Может ли она тоже долго ждать с Божьей помощью, надеяться на «перемену ума» сына, на то, что блудные дети всё же возвращаются? Бог может ждать очень долго... И что же мама: с Богом в этой надежде, или без Него?

Наставление: остановите созависимость

Как правило, в жизни мамы есть одна болезненная сторона, которая сильно мешает, почти останавливает процесс выздоровления сына, и сильно мучает её саму. Похоже на то, что она «заразилась» от сына чем-то, похожим на

наркоманию, она служит ей так же, как и её сын! И при этом яростно отрицает *свой вклад* в его зависимость.

- Когда она покрывает последствия его употребления наркотиков — он продолжает всё сильнее употреблять их.
- Когда она скандалит, стоит на пути его употребления, пытаюсь его остановить — он всё сильнее обижает её, «проходит по ней», чтобы получить наркотик, и это воздвигает новые обиды между ними.
- Когда она контролирует его употребление наркотиков или его лечение, чтобы не случилось самого страшного — он всё сильнее рискует, надеясь на её контроль, а она всё равно не всё может предусмотреть.
- Когда она вместо него проживает его жизнь: «подхватывает» его на работе, в семье, в кредитах, даже в молитве, молясь не за него, а вместо него — он заполняет свою жизнь употреблением наркотиков...

Коротко говоря, когда мама живет жизнью своего сына-наркомана, то её вклад служит усилению наркомании и не позволяет сыну начать выздоравливать. Мама тогда становится придатком зависимости. Близкие приносят огромные жертвы выздоровлению наркомана, но эти жертвы не служат цели: их «пожирает» зависимость. При этом близкие живут на пределе своих возможностей, очень страдают — но не могут остановиться, в их действиях видна тоже некая одержимость. Что заставляет их совершать эти поступки? — Их «заражённость» зависимостью, которая так и называется — *созависимость*.

Самая страшная жертва, которую приносит созависимый человек, — это любовь. Так ли это, ведь все эти жертвы приносятся под девизом «я люблю его и не могу иначе»? Посмотрим на последствия.

- Они совершают насилие над наркоманом: он больше не принимает решений, всё решается за него. Он

потерял свободу жить, что никак не совместно с любовью. Бес в «Письмах Баламута» К. Льюиса удивляется: как это Бог любит?! Вот когда бес «любит», он стремится поглотить, подчинить, привязать того, кого он так «любит», а Бог любит — и отпускает на свободу... Ничего подобного Божьей любви и в помине нет в созависимости. Там есть контроль, власть и абсолютное неуважение к человеку. Человеку — хотя он и наркоман.

- Созависимый близкий проявляет любовь к наркоману, если он выздоравливает, и презирает, осуждает его, если он продолжает употреблять наркотики. Разве любовь может зависеть от условий? Разве любят только чистеньких детей, а грязненьких перестают любить?
- Созависимой маме или супруге все средства хороши, чтобы только контролировать жизнь наркомана. Обиды, скандалы, подслушивание и подглядывание, манипуляции и оскорбления — всё для того, чтобы добиться вожделенной цели.

Но любовь исчезает не только в отношениях с наркоманом. Остальные члены семьи тоже попадают в болезненные, травмирующие их позиции. Возьмём теперь для примера семью, в которой сын — наркоман, и есть еще муж, бабушка и другие дети. Как могут распределиться роли в созависимой семье?

Мама может стать главным спасателем. Она пытается контролировать всю жизнь сына, включая его жизнь днём и ночью, даже то, что он делает в туалете! Разве возможно при этом остаться мамой остальным детям, женой своему мужу? Все разговоры, все мысли, все действия — всё направлено на яростное усилие остановить наркоманию сына. Никакие другие темы не важны: «Я так устала, оставь меня». У неё огромная ответственность, нет послушания никому, она сама всё решает, осуждает и обижается... Разве это мама и жена?

Муж часто и оставляет... Может быть, он («предатель»!) уходит из семьи туда, где на него обращают внимание — а у него столько вины за сына, столько гнева на него, и так привлекательна жизнь там, где сына нет! — в работу, в другую семью, в пьянство. Или он формально остаётся в семье, но интерес у него в телевизоре или интернете. Никак в делах семьи он не участвует, потому что его никто не любит. Он не принимает решений, перекладывая свою ответственность на других, ищет радость и покой на стороне. Часто бывает, впрочем, что он начинает отвоевывать у сына свою жену, становясь тираном, выгоняя сына из дома для того, чтобы в этом доме снова обратили внимание на него. Он теряет своё место мужа и отца.

Бабушка конкурирует с мамой. Когда мама отчаянно строга — бабушка украдкой даёт деньги внучку, «чтобы покушать», будто она и забыла, что внук — наркоман. Она кричит дочери, что та — «не мать!», и балует внука. Но когда тот крадёт её пенсию, она дрожащим голосом говорит: «Уходи вон, вор!», — как будто не знает, что последние пять лет внук не заработал ни рубля, и при этом покупает наркотики. У бабушки нет благополучной старости, о ней не заботятся, её не чтят...

А другие дети отчаянно пытаются заслужить мамину и папину любовь, пытаюсь хоть как-то обратить на себя внимание. Как можно докричаться до взрослых? Во-первых, если станешь нужным, почти взрослым, будешь помогать маме спасти брата — тогда тебя похвалят и заметят. Заработаешь любовью... И будешь знать, что только так и любят, поэтому когда вырастешь, то женишься на наркоманке, чтобы было кого спасать. Во-вторых, можно быть легким шутником, всегда веселым и радостным, отдушиной для взрослых. Тогда они тебя заметят и улыбнутся, а это и надо. И никому нет дела, что на самом деле у тебя внутри. А потом когда-нибудь внутренняя горечь

и боль прорвутся наружу, и тогда от тебя разочарованно отвернутся: «Что-то ты всё усложняешь... Вот ты какой!». В-третьих, можно просто тоже стать наркоманом, и тогда тебя все заметят и тоже станут спасать. В четвертых, можно просто отчаяться и уйти в виртуальный мир, в компьютерные игры, в мечты и просто никому не мешать... У этих детей нет любви, нет детства, и потому не может быть потом здоровой взрослой жизни.

Все эти люди пережили предательство, каждый из них пытается «перетянуть одеяло на себя», каждый пытается использовать других для своего блага.

Зависимость подчиняет себе жизнь всей семьи, семья попадает в беду и начинает воспроизводить нездоровье уже сама. Это и есть созависимость. Но нередко нездоровье семьи коренится глубже, чем влияние болезни сына. Оно может передаваться из поколения в поколение, создавая благоприятную почву для зависимостей, и не только для них — насилия, отверженности, отчаяния, нелюбви. Вот несколько симптомов нездоровья семьи:

Здоровая семья	Созависимая семья
1. Открытое общение.	1. Закрытая семья, смутные, неопределенные отношения, обсуждаются только проблемы, причем в жанре критики того, у кого проблемы. «Не говори, не чувствуй, не доверяй»
2. Поддержка друг друга.	2. На всё говорится «нет!». Поиск недостатков, вышучивания, наказания.
3. Уважение и сотрудничество друг с другом. Наличие «команды».	3. Манипуляции (попытки управлять друг другом). Враждующие лагеря, саботаж.
4. Доверие	4. Нет доверия, подозрительность, взаимные расчеты.

Здоровая семья	Созависимая семья
5. Высокое качество проведенного в семье времени. Разговоры о жизни каждого, еда вместе, общение, молитва, рассказы о новостях.	5. Каждый сам по себе. «Мне некогда с тобой говорить». Вечерами только телевизор, компьютер.
6. Воспитанная взаимная ответственность.	6. Безразличное отношение друг к другу; чрезмерная опека
7. Моральные ценности, которые можно обсуждать.	7. Система ценностей, не подлежащая обсуждению (хорошо—плохо, черное—белое, ты — плохой, я — хуже всех и пр.)
8. Традиции в семье. «Устроим праздник!»	8. Нет уважения к семейным традициям и потребности их иметь. Нет праздников, только по обязанности.
9. Открытая духовная жизнь, уважаемая другими.	9. Нет общих духовных ценностей, они не осознаются.
10. Уважение к частной жизни каждого члена семьи и личностных границ.	10. Посягательство на частную жизнь другого.
11. Открытое выражение любви.	11. Нет выражения любви, пренебрежение.
12. Признается ценность служения друг другу в семье и вообще всем.	12. Нет ценности служения. «Почему я должна тебе приносить чай? А ты когда мне принесешь?»
13. Открытость к помощи извне. Другой — потенциальный друг.	13. Неприятие чужой помощи. «Не выноси сор из избы!».

Сколько боли в этих семьях! Её можно лечить, если начать выздоровление с себя. Работают специальные группы самопомощи для родственников наркоманов, где они трудятся над своим выздоровлением от созависимости по специальной программе, молитвенные группы матерей; есть психологи... Многие и многие се-

мы сегодня остановили созависимость, и это не только спасло семьи от разрушения, но и помогло наркоману начать выздоравливать. Это поставило его в условия, при которых он столкнулся напрямую с последствиями своего употребления наркотиков, а, значит, получил серьезный стимул начать процесс выздоровления. Кроме того, он увидел подлинную жертвенную любовь, на призыв которой не смог не откликнуться.

Наставление: установите границы

Границы — это ясные всем правила семьи, по которым она теперь будет жить так, чтобы прекратить насилие в семье. Например, мама больше никогда не будет подслушивать телефонные разговоры сына-наркомана, чтобы не вторгаться в его личную жизнь, и одновременно не мучиться от подслушанного: использовать не можешь, и забыть невозможно. А сын, в свою очередь, приходит домой до 24 часов, и потому не мешает спать остальным членам семьи. Нарушения правил не караются наказаниями, но нарушитель оказывается в трудной ситуации. Мама, стоящая под дверью, может потерять право услышать ответ на свои вопросы, а сыну, вернувшемуся в 0.10 домой, никто не отворит запертую дверь. Существенно то, что границы соблюдают все члены семьи, и нарушение границ кем-то ставит его на определенное время вне правил семьи, но, в свою очередь, не даёт права остальным нарушать границы. Это своего рода семейная конституция, которая обычно «по умолчанию» исполняется в здоровых семьях. Но в семье, где есть наркоман, многие правила нужно утвердить, потому что их взаимно нарушали, и жизнь в семье перестала быть безопасной.

Границы — это творчество каждой семьи, и не может быть никаких жёстких рекомендаций. Например, в одной семье действует указанная граница на возвращение

домой, как в детской сказке про муравьишку, который домой спешил: «солнышко скроется — муравейник закроется». Назначили время — будь добр соответствовать. Это очень жёстко, но иногда необходимо, чтобы дом мог спать. Где ты будешь спать — сам решай, дом открыт до 24 часов. В другой семье это неприемлемо, и ставится граница, что наркоман должен заранее позвонить, и в этом случае его немного подождут и впустят. Это нужно для того, чтобы он научился заботиться, договариваться с близкими. А в иной семье и это невозможно: например, склонного к суициду человека нельзя ставить в очень трудные, кажущиеся безвыходными ситуации. Поэтому хорошо бы посоветоваться с семьями, понимающими проблему, — это удобно сделать на группах самопомощи.

Если стоит вопрос о реабилитации наркомана, то нередко границы очень способствуют тому, чтобы отъезд в реабилитационный центр всё же состоялся. Например, в одной семье сын-наркоман никак не мог принять решение начать выздоравливать, тянул и вел себя агрессивно, пока мама не сказала: «В нашем доме больше не употребляют наркотики. Если ты уйдешь за дозой, вернёшься домой через реабилитационный центр». Сын ушёл, и она заперла дверь. Сын устроил «спектакль» для соседей, спал на коврик, колотил в дверь, уходил спать к друзьям, потом снова повторял всё это... а потом смирился и поехал в центр. Он понял, что мама непреклонна в своем решении, и это — справедливо.

Когда же наркоман возвращается из центра домой, границы становятся мощным средством сохранения им трезвости и поддержки выздоровления. Поэтому часто границы проговаривают еще в реабилитационном центре на семейной встрече в присутствии консультанта перед возвращением домой. Границы становятся своего

рода каркасом, рамкой, в которой отношения в семье могут развиваться более здоровым образом.

Границы — это не выдуманные правила, они отражают духовные законы любви, доверия, безопасности в семье, являются гарантом её благополучия. Вот некоторые примеры — только примеры, их надо обдуманно использовать в любой семье.

- Никто не употребляет алкоголь и наркотики. Если употребляешь — дома не живешь, пока не пройдешь курс реабилитации (для наркомана, который не имеет опыта выздоровления).
- Если у тебя есть опыт выздоровления (не только воздержания), но ты всё же сорвался — ты можешь жить дома только трезвым, и знаешь, как это сделать. Ждем твоих предложений для возвращения домой.
- В твоей жизни в употреблении семья не участвует. Будет плохо, попросишь — поможем добраться до больницы.
- Никто не подслушивает, не подсматривает, не проверяет карманы, не читает записи другого и пр. Иначе — замок на двери.
- Никто не повышает голос в разговоре, не употребляет бранных слов. Иначе немедленно прерывается разговор.
- Нельзя прикасаться к другому иначе, как с лаской. Нельзя угрожать физической расправой. В противном случае дома не живёшь.
- Нельзя брать чужое. Иначе — замок.
- Каждый убирается в доме: распределяются обязанности. Не смог — договорись с другим, и потом «верни долг».
- У каждого в семье есть дело. Нельзя бездельничать. Кто не работает, тот и не ешь.
- Каждый старается ночевать дома, если нет — предупреждает по телефону.
- Привести домой ночевать можно только жену, а не «девушку».

- Молитва и вера — внутреннее дело человека, никто не смеет принуждать, осуждать или высмеивать человека в его вере.

И многое другое... Однако стоит обсудить только те границы, которые нарушались в семье. Границ не должно быть слишком много, чтобы их хорошо помнить. Может быть, их надо записать. Это коллективное решение трезвой части семьи, и наркоман обязан ему подчиниться. Гарант их исполнения — главный член семьи: отец, за неимением его — мама, остальные помогают добиться исполнения.

После нарушения границ и соответствующих последствий наркоман снова возвращается в их рамки. Например, опоздав и переночевав на лестнице, наркоман утром входит домой к доброжелательным родственникам, которые не упрекают его за опоздание, а скорее сочувствуют. Никакого «спасения» от последствий, никаких предложений выпастся нет, начался новый день. Сорвавшийся наркоман едет в больницу, и мама приезжает к нему с паспортом и тапками. Мы помогаем наркоману вновь вернуться к добрым отношениям в семье.

Наставление: обеспечьте физическую и юридическую безопасность

Границы — это рамка, в которой возможно здоровое общение. Но часто бывает так, что оно в принципе невозможно, настолько сильна зависимость, такие безрассудные жертвы приносятся ей. Тогда семья должна позаботиться о своей физической безопасности.

Необходимо, чтобы был способ уйти из дома, и чтобы замок открывался изнутри поворотом ригеля, а не ключом. Ключи наркоман может отнять и спрятать. Должен быть план, куда в случае возможного насилия можно убежать. Нужно договориться с соседями, родственниками

или друзьями, под рукой должны быть деньги на дорогу. У семьи должно быть решение скорее уступить силе, чем «стоять насмерть». Это иллюзия, что наркоман не пойдет на насилие по отношению к любящим его и любимым им близким. Пойдёт, потому что это его зависимость! Если Вы стоите у неё на пути, добра не жди. Ясная угроза насилия с требованием денег на наркотик должна, конечно, встретить спокойное решение отдать деньги вместо драки. И это совершенно точно должно закончиться запертой дверью перед вернувшимся наркоманом, чтобы такое не могло повториться впредь. Возврат — через реабилитационный центр. Если у родственников сил не хватает, должно быть ясное решение позвонить в полицию или 911. Лучше звонить в городские службы и говорить, что вы готовы написать заявление о насилии. Лучше близкие остановят наркомана в его безумии, чем чужие люди. Чужие люди не станут заботиться о выздоровлении наркомана.

Безумие наркомана при активном употреблении наркотиков может закрыть ему глаза на суть того, что он делает в стремлении добыть наркотик. Семья не должна стать жертвой этого безумия, о чем все потом будут горько жалеть, и, в том числе, сам протрезвевший наркоман.

Близким наркомана нужно ясно понимать, что хранение, транспортировка и приобретение наркотика, не говоря уже о его распространении, хотя бы и бесплатно — серьезные уголовные преступления, за которые могут быть наказаны и родственники наркомана, если они в этом участвовали! Поэтому не нужно наивно передавать неизвестные свертки, ездить на встречи вместо наркомана, чтобы его не арестовали. Тогда арестуют близких и накажут их совершенно так же. Мама, приносящая наркотик сыну, совершает уголовное преступление, и не только способствует развитию наркомании сына, но и рискует попасть в тюрьму.

Документы на недвижимость, ценности лучше дома не хранить, чтобы избежать больших потерь. То, что это

капитал семьи, не остановит наркомана в его безумии. Особенно осторожно нужно отнестись к потенциально опасным вещам: сильнодействующим лекарствам, оружию. Безопасность в этом случае — ответственность главного члена семьи.

Особый вопрос — кредиты. Наркоман часто берёт большие суммы в банках в кредит, никак не планируя их отдавать. Проценты по кредитам растут, банки звонят и угрожают... Что делать? Во-первых, не надо выплачивать долги наркомана, потому что он почувствует свою безнаказанность и продолжит брать кредиты: близкие выплатят. Кроме того, если близкие отдали его кредит, то он сам его уже никогда не отдаст, и навсегда останется несостоятельным должником. Но важно позаботиться о том, чтобы в собственности у наркомана не было доли квартиры или иной большой собственности, которую банк сможет отобрать по решению суда. Пусть забирает его вещи, но не то, что является долевым капиталом всей семьи. Поэтому звонки банков должны поставить перед семьей вопрос о перераспределении собственности в семье, например, через дарственную на долю собственности, принадлежащую наркоману. А он, в свою очередь, таким образом заплатит за свое легкомыслие. Но и в этом случае, конечно, семья не должна выплачивать его кредиты.

Единственное исключение из этого правила — ситуация, в которой наркоман соглашается ехать на реабилитацию. Понятно, что в связи с этим он не может работать и отдавать свои долги, и тогда будет разумно, чтобы семья *маленькими порциями* платила каждый месяц банкам, чтобы в случае суда было ясно, что наркоман не игнорирует свои обязательства. После завершения реабилитации и возвращения наркомана он должен будет сам выплатить оставшуюся основную часть долга.

Защитить свою семью — обязанность трезвых членов семьи. Но это не означает, что у них есть право пере-

стать заботиться о наркомане, бросить его на произвол его зависимости. Близкие *могут и должны помогать ему выздороветь*, но не поддерживать его страсть к употреблению. При всех условиях нужно пытаться сохранить с ним контакт.

Наставление: помогите наркоману увидеть правду

Одним из проявлений зависимости от наркотиков, как уже отмечалось, является отрицание самой этой зависимости. Поэтому возвращение к реальному положению вещей, способность наркомана увидеть правду станет мощным фактором его выздоровления. В этом семья может ему помочь. Семья может утвердиться в перечисленных ниже фактах своей жизни с наркоманом и помочь ему убедиться в их реальности:

- Близкие любят его независимо от того, употребляет ли он наркотики или выздоравливает. Его любят безусловной любовью. Он — личность, а потом уже наркоман, и любят именно эту личность, а не его выздоровление. Искажение природы человека в результате наркомании всё же сохраняет его личностную свободу, которая и является залогом самой возможности выздоровления.
- Близкие видят и показывают наркоману негативные факты их общей жизни, связанные с зависимостью. Страдает и сам наркоман, и его близкие!
- При этом всё же сохранились позитивные стороны совместной жизни. Хотя бы редкие и маленькие эпизоды совместной хорошей жизни всё еще проявляют их любовь. Не всё потеряно, и наркоману есть, для чего выздоравливать, всё до конца он ещё не потерял.
- Наркоман может выздоравливать, потому что, во-первых, это происходит с другими наркоманами, и его наркомания ничуть не «сильнее», чем у других; во-вторых, в его жизни есть опыт выздоровления.

- Но для того, чтобы выздоровление было достигнуто и стало постоянным, в отличие от предыдущих попыток, необходима системная помощь со стороны, и она существует, доступна ему.
- Осторожно, если наркоман позволяет и не забалтывает эту тему: Бог помогает ему и всей семье, что видно в проявлениях благодатной помощи для наркомана и всей семьи.

Наставление: отпустите близкого, перестаньте контролировать его, сохраняя любовь к нему

Как же можно оставить наркомана на волю его зависимости? Он же сам с ней не справляется? Он болен: разве можно оставить больного человека в одиночестве?!

Особенность наркомании заключается в том, что наркомана нельзя уговорить «оставить свои глупости» и начать выздоравливать. Единственный достаточно весомый аргумент для него предьявляет ему сама зависимость: если наркомана не спасать от последствий употребления, он довольно быстро понимает, что надо остановиться. Слишком больно продолжать употребление. «Отпустить» означает предоставить наркомана последствиям его употребления, которые вынудят его выздоравливать.

Это вовсе не означает, что семья должна бросить наркомана на произвол судьбы. Мы любим его, и не можем эгоистично заботиться только о себе. Но честно признаем факт: семье не удалось, несмотря на все усилия, вытащить наркомана из употребления, она оказалась бессильна! И даже заглядить полностью последствия употребления наркотиков семья тоже не смогла.

Поэтому семья может, наконец, заняться своими делами, воспитывать остальных детей (они тоже в этом

нуждаются!), заботиться о супруге, родителях — и никак не поддерживать зависимость наркомана. Он не хочет выздоравливать — поэтому остаётся один на один со своей зависимостью, и скоро это приводит его к кризису. Тогда он обращается к семье с просьбой помочь ему — продолжить употребление! Да, именно так, хотя бы это и было прикрыто приличными фразами: «мне нужны лекарства» (но не реабилитация!), «мне нужно оплатить продукты» (потому что все деньги он потратил на наркотики), «спасайте, меня задержала милиция!» (потому что я употреблял наркотики).

Тогда перед наркоманом ставится выбор:

- либо он начинает действительно выздоравливать, и семья будет ему помогать в том, что в её силах, *постепенно*, в соответствии с тем, как наркоман действует в отношении выздоровления;
- либо он отказывается выздоравливать, и тогда полностью принимает все последствия своего употребления наркотиков в одиночку. Семья же ждёт его выздоровления, и включается в помощь ему, как только он передумает.

Это не является шантажом, манипуляцией, потому что семья действует максимально честно: она не может способствовать продолжению наркотизации, но готова всеми силами помогать выздоравливать. И последовательно проводит это своё решение в жизнь.

Это очень трудно. Придется выдержать обвинения в нелюбви, шквал манипуляций со стороны наркомана, отвержение им всей ценности семьи. Требуется большая молитвенная работа, умение ждать и доверять Богу в том, что Он помогает на правильных путях.

Может ли так быть, что наркоман умрёт, не дождавшись помощи от семьи, не захочет выздоравливать? Да, может. Поэтому в тех редких случаях, когда употребление наркотиков делает его абсолютно безумным и

неспособным принимать никакие решения, когда речь идёт об актуальном или пассивном суициде, когда наркоман только спит и употребляет психоактивные вещества для того, чтобы «отключиться» побыстрее, нужно везти его в больницу против его воли. Скорая или психиатрическая скорая помощь поместит его в стационар, спасая, таким образом, его жизнь, но вскоре он и его близкие снова встанут перед необходимостью отпустить его на произвол болезни — для того, чтобы он, наконец, начал выздоравливать.

Отстранение происходит, конечно, от зависимости, а не от любимого человека. Наркомания и созависимость убивают любовь в семье. Как же постараться сохранить её?

- «Молитва матери со дна морского поднимет», близкие наркомана призваны, несомненно, к молитвенному труду. Только таким образом и удаётся найти и сохранить подлинную любовь, обращаясь к Тому, Кто Сам есть Любовь. Молитва «своими словами», конечно, очень хороша, она и для невоцерковленного человека открывает смирение и сердечное переживание. Но вместе молиться и легче, и молитва сильнее, «идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их». Церковь благословляет молитвенный подвиг близких болящего, составляя специальные молитвенные последования для таких случаев. Есть совместные чтения канонов о болящем, акафистов Богородице перед её иконой, в особенности перед образом «Неупиваемая чаша», молитвы и молебны мученикам Вонифатию, Трифону, Моисею Мурину, святому, тезоименитому болящему, и другим святым. Благодатную помощь имеют поминовения крещеных наркопотребителей при чтении Псалтири. Паломничества по святым местам с поминовением там близких тоже приносят большую пользу.

Всё это большой труд, и в нём есть, конечно, две опасности. Во-первых, близкие наркомана, в особенности, невоцерковленные, могут взять на себя непосильный подвиг молитвы, и потому вскоре оставить её. Поэтому очень важно, чтобы молитвенным трудом руководил священник, благословляя не только молитвы за близких, но и собственный церковный путь молящегося. Можно начинать с малого, постепенно увеличивая молитвенный труд.

Во-вторых, близким нужно понимать, что выздоровление наркомана — это соединение его воли выздороветь с волей Бога. Благодать, посылаемая Богом, призывает наркомана к Богу и выздоровлению. Бог обычно действует через людей, в первую очередь, через близких наркомана. Но всё же насильно заставить выздороветь наркомана нельзя, и то, что, несмотря на молитвы, процесс не движется, не означает, что Бог не слышит молитвы. Бог долготерпит и надеется на человека, и близким нужно удерживать такую же надежду в себе. На практике же часто можно встретить «магическое» отношение к молитве и церковной жизни: «я буду читать вот эти «сильные» молитвы, и тогда мой сын будет выздоравливать». Это очень вредное убеждение, вполне языческое, чреватое отчаянием и уходом их храма, поэтому нужно помогать близким наркомана не впадать в эти соблазны, тем более, что такие верования, к сожалению, достаточно распространены в околочерковной среде.

- Наркомана, как и любого другого человека, нельзя баловать, т.е. иногда позволять ему делать то, что вообще-то делать нельзя. Но можно и нужно делать маленькие дела любви: принести ему чашку ароматного чая, сделать маленький подарок, погладить, приготовить то, что именно он любит... Можно поделиться с ним своей маленькой радостью, поддержать его

улыбкой, это уже немало! Дело в том, что часто близкие в погоне за выздоровлением наркомана, упускают из виду его самого, он становится не субъектом, а объектом воздействия. Нам же в первую очередь надо помнить, что он — чадо Божье. Образ Божий в нём, хотя и затмевается болезненным искажением его наркоманской природы, но существует во всей полноте. Если мы потеряем это из виду, мы потеряем контакт с наркоманом, а вместе с тем и самую возможность ему помочь.

Воцерковление семьи

Выздоровление происходит в совместных действиях семьи, направляемых и «оживляемых» благодатью Божьей. Поэтому воцерковление является важной задачей всей семьи и священника, окормляющего её. Нужно только объяснить это семье, чтобы не получилось недоразумения: близкие пришли за помощью в выздоровлении наркомана, а им «заинтересованный» священник предлагает саму Церковь. Очень часто эта связь, очевидная воцерковленным людям, ускользает от понимания новоначальных, и они рискуют попасть в ловушки языческого отношения к святине.

Здесь надо обратить внимание на следующие важные моменты:

- Первая встреча батюшки с родственниками наркомана: к кому они пришли? Именно к отцу: много раз мы слышали слова благодарности священникам, которые *поняли маму наркомана, нашли силы и время помогать*. Родственники видят в этом подвиг *любви*, которую они нечасто встречают в своей жизни. Мама, может быть, уже и старенькая, увидела в нём *защитника*, помогающего ей выстоять против наркомании. Очень часто можно слышать благодарное: «Он мне,

наконец, всё объяснил!». Батюшка не лекцию читал, но нашёл с Божьей помощью слова-жемчужины, которые легли на душу страдающей мамы.

Родственники наркомана, воистину, блуждают, как «овцы без пастыря». Им необходимы не житейские советы, которых они неистово просят, а действительно нужно увидеть духовное измерение в своей жизни и в жизни наркомана, соотнести «горизонталь» мирских попечений с тем, что есть «вертикаль» духовного возрастания. Тогда всё видится по-другому, и в безнадежной, казалось бы, ситуации начинает теплиться надежда.

- Покаяние родителей. На практике в реабилитации мы сталкивались со случаями, когда наркоман упорно не хотел — не мог? — выздоравливать, срываясь снова и снова, или даже вовсе не начиная выздоровления, пока родители не каялись в грехах за всю свою жизнь. Поскольку семья — Богоустановленный способ жизни людей, духовные связи в ней так тесны, что грех родителей влияет на благополучие детей. Покаяние родителей, однако, должно быть таким, чтобы они вошли им в святую Церковь, и часто это не разовая акция «генеральной исповеди», что, конечно, тоже очень важно, но постоянная практика покаяния и приобщения святых Тайн. В этом процессе родителям надо помогать, потому что на фоне очевидно грешного наркомана сами они выглядят достаточно благополучными, и предложение покаяться может вызвать реакцию отторжения: «Валите с большой головы на здоровую!». Но если начать говорить о грехе, выясняется, что многие грехи и не рассматриваются таковыми. Блуд, внебрачное сожителство, аборты, контрацепция, мат, пьянство, воровство и ложь, названные «приличными» словами с прибавлением «у всех так!», не рассматривается родителями как возможная причина *сегодняшнего* невыздоровления их

сына или дочери. Часто они склонны рассматривать свои ошибки в воспитании детей как возможную причину наркомании, но если о грехе не знали дети, то, как будто, его и не было. Всё это имеет причиной маловерие, и поэтому следует внимательно и упорно помогать родителям искать путь покаяния.

- Постепенность и регулярность приступания к Таинствам имеют здесь немаловажное значение. Важно удерживать нужную дистанцию с семьёй, которая обычно стремится включить священника или социального работника как бы в свою семью, надеясь, что теперь-то у них получится! В то же время внимание и сочувствие, необходимое для поддержания контакта с семьёй и требующее больших сил в ежедневной практике, являются подвигом священника, включившим в свое служение окормление родственников наркоманов.
- Окормление священниками участников групп самопомощи, общества трезвости, молитвенных групп матерей наркоманов позволяет им идти верным церковным путем, их совместное делание обретает благословение и постепенно воцерковляется как явление, не чуждое Церкви. В практике священники и выпускники духовных учебных заведений, знакомые с проблемой наркомании и созависимости, ведут духовные беседы с посетителями этих групп, организуют катехизаторские семинары, паломнические поездки, проводят еженедельные чтения канонов и акафистов, и вообще активно участвуют в духовном пути родственников наркоманов. В этом катехизация и церковная практика соотносятся с живыми проблемами и усилиями матерей (и реже, отцов) наркоманов. Всё это может сопровождаться и индивидуальными духовными беседами. Тогда действительно удается выздоравливать всей семье.

- Очень важны дела милосердия, адресованные не только своему родственнику-наркоману, но и другим людям вокруг. Важно увидеть, что жизнь шире горизонта их семьи, что она полна высокого смысла. Дело не только в том, что на фоне, например, бездомности домашние проблемы видятся несколько иначе. Главное в том, что, помогая страдающему человеку, близкий наркомана участвует в Божьих делах милосердия, и тогда это непременно скажется на его собственной душе, а, значит, через него и на духовном здоровье его семьи.

Реабилитационные центры и иная помощь на путях выздоровления

Помогая семье наркомана искать подходящие решения её проблемы, священнику и социальному работнику прихода приходится разбираться в средствах помощи. Общество предлагает широкий спектр разнообразных услуг семье наркомана, и далеко не все они приемлемы. Некоторые из предлагаемых «средств помощи», обещающих, как правило, радикальное исцеление за большие деньги, но и без них — душевредная практика различных сект, ведовство или прямой обман. Воистину, здесь «дорога в ад вымощена благими намерениями». Благая цель отказа от наркотиков не позволяет нам использовать неприемлемые средства её достижения. Существует церковное мнение по поводу тех или иных подходов, и важно обращаться к нему в поиске подходящих реабилитационных центров или иных средств помощи.

Выздоровление — это способность наркомана хорошо жить без наркотиков. Именно хорошо, правильно, благополучно, в согласии с собой и Богом, а также с обществом. Это возможно, что показывает опыт тысяч людей, выздоравливающих сегодня от наркомании. Вы-

здоровление, таким образом, должно начинаться с полного отказа от употребления.

- Необходим отказ от употребления любых психоактивных веществ, в частности, алкоголя и любых наркотиков. В некоторых случаях наркоман может сделать это самостоятельно в течение недели или двух. Однако, если доза слишком высока, или в прошлом были серьёзные соматические последствия отказа (проблемы с сердцем, психикой) — лучше обратиться за врачебной помощью. Такого рода помощь на дому сейчас запрещена именно потому, что бывают серьёзные последствия, и потому нужно это делать в больнице. Бывают внутренние инструкции, позволяющие при разовом обращении избежать наркологического учёта, всё это можно заранее выяснить. В государственных медицинских учреждениях такую помощь можно получить и бесплатно. Миф о том, что в больнице не лечат, а только в частной клинике за огромные деньги можно получить достойную помощь, служит наркоману лишь удобным оправданием для отказа от возможности выздороветь. Медицина должна решить проблему отказа от наркотиков, но она не может решить вопрос невозвращения к ним вновь, какие бы замечательные лекарства врачи не предлагали. Духовные проблемы таблетками, к счастью, не лечатся. Поэтому следующая стадия, абсолютно необходимая для выздоровления, — реабилитация.
- Реабилитация. Говорят, что протрезвевшему наркоману нужно научиться жить трезво. Для этого есть специальные реабилитационные программы и центры, в которых передается драгоценный опыт такой жизни, рекомендации, навыки и представления о выздоровлении. Дело в том, что наркоман не может теперь просто начать жить «как все» — его исходные условия *отличаются* от здоровых в этом отношении

людей. Поэтому ему нужен специальный процесс, выстраивающий здоровую жизнь, которым и является реабилитация. Но в рамках церковной реабилитации мы должны ясно понимать и объяснить семье наркомана, что эта жизнь в полноте может быть выстроена самим наркоманом только с Божьей помощью, что означает воцерковление наркомана и всей его семьи.

- Поддерживающие программы, ресоциализация. Реабилитационный центр помогает наркозависимому выздороветь, но потом нужно «прорастить» его в жизнь, научиться жить не в «оранжерее» центра, а в активной и трудной жизни общества. В этом тоже требуется помощь. Кроме того, наркоман, живущий трезво и благополучно, всё же остается зависимым человеком на всю жизнь, и не только в том, что он не может безопасно для себя немного выпить. Опыт наркомании делает его уязвимым и любой другой страсти по слову Спасителя о не занятой «чистой и выметенной горнице», куда вселяются семеро злейших бесов. Поэтому выздоравливать ему придется всю жизнь, наркоман должен всё время поддерживать свое благополучное состояние. Для этого есть, прежде всего, церковная жизнь, наполняющая пустоту в душе наркомана тем подлинным содержанием, которое и должно быть в ней — благодатью. Исповедь и причастие возвращают выздоравливающего, но всё же согрешившего наркомана к Богу и дают ему истинную пищу и питье для души.

Кроме этого, выздоравливающему наркоману рекомендуется поддерживать общение с другими выздоравливающими наркоманами, которое приносит ему много благ. Во-первых, происходит обмен ценнейшим опытом, как строить трезвую жизнь в обществе, полном трудностей и проблем. Наркоман относится к ним в силу своей зависимости совершенно иначе, чем здоровый человек, поэтому ему необходим опыт таких же людей, как он

сам. Другой выздоравливающий наркоман может понять и помочь ему. Во-вторых, духовный путь, которым идёт наркоман, должен включать в себя важные события его жизни в выздоровлении: нужно стараться сохранить в себе признание своей принципиальной неспособности в одиночку победить зависимость и необходимость для победы в этой борьбе помощи других людей и Бога. Ему нужно стремиться жить по Божьей воле, возмещать нанесённый в период наркотизации ущерб, помогать другим начинающим выздоравливать новичкам.

Действия, недостаточные для выздоровления наркомана

Часто можно встретить попытки семьи или даже самого наркомана пойти «широким» путем с целью избавиться от зависимости путем разовой акции или перекладывания ответственности за свою жизнь на кого-то другого. Вот часто встречающиеся ошибки на этом пути:

- Твердое обещание, сильное желание или даже зарок не употреблять больше наркотиков либо в течение определенного срока (год?) или даже всю жизнь — *без осуществившегося воцерковления*. Это обещание не может быть выполнено, потому что человек в одиночку бессилён перед своей зависимостью, и самые прекрасные намерения и обещания разбиваются об этот факт. Это аналогично знаменитому кодированию, что признано многими специалистами вредной практикой. Напротив, такое желание, соединенное с покаянием в Церкви, станет началом новой жизни.
- Надежда на новое лекарство от зависимости. Наркомания — и болезнь, и страсть одновременно, не поможет таблетка вылечить духовную болезнь!
- Переезд в другой город, выдерживание в другом месте длительные сроки. Понятно, что зависимость —

внутри человека, и переезжает вместе с ним. Очень быстро на новом месте активный наркоман находит новые знакомства и наркотики. Поэтому сама по себе средством выздоровления такая изоляция не является.

- Изменение круга общения, поиск «врага», который виноват в зависимости, устранение его. Не может помочь по той же простой причине: зависимость находится внутри человека, а не вне его. Здесь ещё страшно и осуждение, духовная слепота по отношению к своим грехам. Круг общения естественным образом изменится, когда наркоман начнёт выздоравливать во время реабилитации, и его научат, как это правильно сделать.
- Магические действия ради выздоровления: знахари, колдуны, «бабки». Это, конечно же, не может помочь: Бог любит человека и зовет его к Себе, а не расплавляется с ним, давая выздоровление за то или иное действие.
- Серьёзные разговоры, авторитетные фигуры («Батюшка, скажите ему!»), заманчивые предложения, угрозы. Это не помогает, потому что в активной зависимости наркоман не может собой управлять!

Итак, работа с родственниками наркоманов — большая и продолжительная работа. Хорошо, если ей занимается не только священник, но ему помогают социальный работник, православный психолог, добровольные помощники из числа выздоравливающих от созависимости близких наркоманов, да и сами выздоравливающие наркоманы. Когда выздоравливает вся семья, она выздоравливает надёжно. Но есть в этом ещё один аспект: только сейчас семья начинает опытно познавать помощь и милосердие Божие, покаянный труд пути к Богу и надежду на спасение души.

Часть II КТО ОНИ, НАРКОМАНЫ? ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Рассказ Леонида⁷ о себе

В детстве я жил с мамой и немного помню родного отца, который сильно выпивал. Помню пьяные дебоши, скандалы, помню, как он хулиганил, выносил вещи, продавал, приходил домой в трусах. Раз он продал обручальное кольцо, а свалил на меня, сказал, что я выкинул его в окно. Мне тогда было года 3—4. Родители развелись, когда мне было 6 лет. Мама вышла замуж за отчима. Он был внимательный, с ним складывались хорошие отношения. Помню, что я был избалованный, вокруг были любящие люди, бабушки. А я врал, жаловался маме на отчима, был ябедой. Маму к отчиму не ревновал, поскольку был с детства окружен заботой. Меня все любили: ко мне хорошо относились в компаниях, в пионерском лагере, потом в тюрьме. Вспоминаю пионерлагерь. Когда мама меня раньше окончания смены забирала, то вожатые чуть не со слезами просили её оставить меня. У меня само как-то так получалось, что ко мне все хорошо относились.

Когда я стал наркоманом, мне стало важно не то, что люди ко мне чувствовали, а что они могли мне дать. Когда мне было плохо, и я из-за плохого самочувствия не мог ничего отнять силой, то ловил на дороге машину, предлагал автомобилистам набор ключей или магнито-

⁷ В данном разделе все имена наркозависимых людей и их родственников изменены.

фон за минимальные деньги, играл на человеческой алчности. При этом рассказывал, что я наркоман, и людей подкупала моя фальшивая искренность, когда я врал, что только что освободился, и поэтому приходится воровать. Предлагая выкупить украденный мною магнитофон, говорил: «дайте 300 рублей, чтобы я его выкупил у цыган, так как вчера не мог ночью нести его в скупку, а я вам отдам за 500, потому что 200 мне нужно». Практически, если человек вписывался⁸ со мной ехать, то всегда его убалтывал. Я чувствовал людей и почти ничего не придумывал, а, как бы играючи, мог уговорить человека делать то, что мне надо. Еще я разыгрывал героя чеченской войны. Для многих водителей машина важнее жены, поэтому их, как правило, не волновало, что наркоман это украл, им было важно купить для машины набор ключей или всё что угодно, от автомобильного цифровика до кожаных плащей. Поскольку я интересовался одеждой и техникой, то знал, что человека может заинтересовать. Как только видел человека, сразу понимал, что можно ему предложить. Когда «сделаешь» какую-то тему: разбой либо мошенничество, чувствуешь себя, как на крыльях, и это очень подогревает, особенно, если это происходило на глазах других наркоманов. Под эфедрином⁹ я мог предсказать, что случится в ближайшее время, и как-то сказал, что сейчас найду золото, и действительно тут же поискал и нашел на земле часы Гучи. Соприкасаешься с мистикой, но в наркотиках не придаешь этому значения. До наркомании я занимался спортом, потому с гордостью, самоуверенностью занимал в компании лидирующее место. Тогда модно было быть бандитом, крутым, и меня снесло. Пусть у меня даже нет таких денег, но я «пацан», а они — «мужики»,

⁸ Соглашался.

⁹ Психостимулятор.

которые при мне рта открыть не смели. И отчаянно, дерзко, жестоко воровали и грабили. Когда я маленький дрался, было трудно ударить человека в лицо, а потом наоборот, сразу бил по лицу. Прошел страх, почувствовал в себе силы, под эфедрином совсем голову сорвало, и люди, которые меня узнавали на фотографии, говорили её владельцу: «Увидишь «белобрысого», беги». А я даже специально так представлялся — «Ленька белобрысый». Если меня видели у наркоманской точки, то даже близко не подходили, знали, что могу что-нибудь отнять. Меня милиция из дому вытаскивала, по почерку узнавали, ножом людей резал, цепью забивал, дубиной бил. Меня однажды милиция из дому забрала в тапочках, потому что кто-то убил милиционера, хотя я тогда уже 2 месяца из дома не выходил, сидел со сломанной челюстью. При этом у убитого пропало удостоверение, а почерк был мой — «безголовый», это случилось в районе, где эфедриновая точка. Милиции подсказали, что так мог сделать только «белобрысый». Я думал, что они меня с таким же другом, как я, по кличке «флюгер» в лесу сразу убьют, в снегу, 1 декабря. Нас били ногами, но всё же не убили — забрали в отделение. Мы с «флюгером» там уже «поплакали», в милиции не погеройствуешь. Если я увижу человека в маске, врывающегося в квартиру, то просто лягу на пол, потому что знаю эту психологию, когда даже женщин били и резали. Как правило, женщины больше мешают, суются, не верят, что в них могут выстрелить. В такой ситуации обычно режут показательно, чтобы кровь была видимая, чтобы на психику подействовало. А в милиции наоборот: демонстрируешь, что ты приземленный, у «героев» в милиции быстро здоровье отнимают, поэтому там все ведут себя тихо и всячески это демонстрируют.

Всерьез начал бросать наркотики, когда мне дважды подряд сломали челюсть, и мама опять взяла меня до-

мой, хотя до этого выгнала на улицу. Я лежал дома месяца четыре, и жил как растение — спал, курил, ел, смотрел телевизор, лежал на кровати. Приходила мама, приносила пиво, чтобы ночью спал. Мне не интересна была даже девушка, с которой тогда жил. У меня никаких чувств не было к ней, только секс.

Я ни о чем не думал, не ходил на улицу, у меня был страх перед выходом на улицу, потому что чего я только не наделал, кого только не кинул: всех. Каждая встреча со знакомой милицией заканчивалась в отделении, каждый раз меня там били. Я даже согласился на них работать. Договорился со знакомым опером, что буду его информировать, но просто его парил, кидал на деньги. В какой-то момент увидел в нем жертву и давил на него, и он давал мне деньги, даже просто так, без информации. Он просто не мог сопротивляться, а я нес чушь и требовал деньги. Он сначала отказывался, а потом всё равно давал. В итоге я всё же написал расписку, что верну ему деньги. Это потому, что другим наркоманам рассказал, что развожу его как лоха¹⁰. Те ему, конечно, сообщили. Если мне надо было, я мог любого обмануть, предать, никаких нравственных представлений для меня не существовало. Если так не давали, то я с другом всегда был готов забрать деньги силой. И ни перед чем не останавливался. И то, что со мной было, называется бесчувственным окаменением.

Когда еще пребывал в этом болезненном состоянии, мне домой позвонили из центра, где я прежде пытался реабилитироваться. Встретился с сотрудником центра в храме. Мы присели вдвоем на подоконнике, и я попросил, чтобы меня снова приняли на реабилитацию, хотя сначала не верил, что возьмут, но потом что-то переключилось в голове, и тогда поверил, что возвращение

¹⁰ Недалекий, доверчивый человек (лопух).

возможно и захотел этого. Перед поступлением в центр уже знал, что у меня ВИЧ, но была такая апатия, что меня это мало волновало. Когда сдал анализ и впервые получил положительный ответ, то взял с другом пива, выпил на скамеечке и посмеялся. В тот же день поехал за эфедрином, мне было тогда всё равно: эфедрин, героин, алкоголь — всё это потреблял в том количестве, в котором доставал.

Поначалу в центре я бахвалился тем, что живу с ВИЧ, относился к этому напоказ шутейно, но уже скорее от страха. А когда влюбился в девушку, то начал понимать, что жизнь упущена, что дети, семья для меня невозможны. Тогда впервые всерьез задумался об этом. Потом обманул значимого для меня сотрудника центра, и это помогло мне увидеть ложь, осознать её как зло, потому что из-за нее, из-за этой лжи, произошел конфликт. Я начал пересматривать свое отношение к людям и к себе, увидел свою лживую наркоманскую натуру, потому что, даже не употребляя наркотики, всё еще оставался по сути своей наркоманом.

Помню, как трудно было готовиться к первому причастию, был прямо зол на Симеона Нового Богослова за длинную молитву, потому что очень тяжело далось чтение Правил. Но после первого причаствия, начал регулярно исповедоваться и причащаться. Меня тянула блудная страсть к упомянутой девушке, но то, что у меня ВИЧ, было сдерживающим фактором, и это меня остановило от блуда с ней. Я знал, что это возможно где-нибудь потихоньку, в мастерской реабилитационного центра, но понял, что потом человеческие отношения невозможны. Когда она уехала из центра, мне стало легче, стал читать церковные книги, разговаривать с сотрудниками. Начал жить внутренней жизнью и выходить из «тусовки». Появилась уверенность, что поможет Господь. Сначала слышал эти слова от сотрудников,

потом и сам поверил. Стал иначе относиться к службе в храме, ни одну не пропускал, активно интересовался духовной жизнью. Хотя прежний «Ленька белобрысый» был еще жив во мне.

После центра я уехал на приход, и там мне открылось ощущение греха, я осознал, что наркотики — грех, и целый шлейф греха тянется вместе с ними. И только тогда понял, что и в этой жизни, и в будущей — я обречен на страдания, если пребуду в этом грехе. Ничто другое не остановит человека: ни смерть, ни проблемы с родителями, ни проблемы с женщинами. Я считаю, что во время реабилитации жесткость, строгость нужны. Благодаря этой строгости, упорядоченности, приходишь в другую для тебя жизнь и можешь раскрыться в ней.

В то время я пленился монашеством, но теперь думаю, что это было скорее от гордости, чтобы кому-то что-то доказать. Я поехал в город с прихода, чтобы сдать иммунограмму¹¹, и хотя не чувствовал себя плохо, цифры оказались очень низкими. Для меня в этом была скорбь. Постепенно я начал себя чувствовать хуже, и уже не мог мало спать, мне требовалось хотя бы немного, но часто что-то пожевать, иначе темнело в глазах, ноги становились ватными. Строгость жизни на приходе: трапеза только в разрешенное время, малое количество сна — мне было важно и нужно, когда я только начинал воцерковляться. Строгая иерархия, уважение к старшим и дисциплина меня подтянули, ведь наркоман существо расслабленное, он — лжец, лентяй. Для таких повесить рубашку в шкаф, убрать за собой — это понуждение себя, это начало порядка в жизни. Поэтому, когда я сдал иммунку, то приуныл, поскольку понял, что не смогу

¹¹ Анализ крови, показывающий количество клеток иммунитета (в норме от 800 до 1000 клеток CD4).

принять монашество, что мне не понести, и на меня сошла печаль. Не ропот, не недовольство, а просто тоска. Осознал необходимость лечения, а иначе, как мне объяснили специалисты, может произойти непоправимый обвал в здоровье. Я доверился советам врачей, батюшка меня благословил на лечение. После детального обследования мне не разрешили принимать АРВ терапию¹², так как у меня была не в порядке печень. Исключил из рациона продукты, вредные для печени, от алкоголя отказался немного раньше. Хотя алкоголь разрешен церковью, но у меня был в городе срыв на алкоголь, когда выпил немного, а затем не мог остановиться и выпил больше, так что уже не контролировал, что в таком опьянении делал. Утром у меня в кармане оказались наркотики, откуда я их взял — для меня тайна. Но очень испугался, что что-то натворил, начал унывать, осознал, что это возобновление действия греха во мне и понял, почему люди доходят наконец до самоубийства: потому что их душа не может нести тяжести переживаний греха. Я попросил благословения не выпивать вовсе, потому что для меня даже одна рюмка могла стать причиной падения. В первую очередь, поэтому я оставил алкоголь, а не из соображений здоровья. Если какое-то время живешь в трезвости, становится легко. В конце концов, эта тема отпустила.

На сегодня мне важно определиться, как мне дальше жить с ВИЧ. Понятно, что с Богом, но очень беспокоит вопрос — могу ли я жениться, поскольку с одной стороны я инфицированный, с другой стороны — сам не чувствую, что могу быть семьянином: всё же я — большой эгоист. А что касается ограничений диагноза ВИЧ, то я не мыслю себе отношений с девушками не ВИЧ-поло-

¹² Антиретровирусная терапия (т.е. препараты, уменьшающие вирусную нагрузку).

жительными. Даже мысль такую гоню. Но на каждую ВИЧ-положительную девушку «примеряю» платье невесты, и, в первую очередь, это животная страсть, а потом уже желание личностных отношений, которых очень не хватает. Пока же семейные отношения для меня проблема. Живу с мамой, она одинока, и я одинок, но всё равно сильно раздражаюсь на маму, потому что нужен близкий человек другого рода — жена. Реально я не несу воздержания — нет мира во мне, трачу много душевных сил на свои борения. Согласен с тем, что интимные отношения не главное, но они для меня значимы. Апостол Павел говорит, что если не можете понести, то лучше женитесь, а я терплю с трудом, с ропотом, хотя и добровольно. Дома часто происходит не то, что я хочу: мама создает условия замечательные, но мне нужно другое. Может, поэтому и раздражаюсь. Меня поддерживают друзья, интересная работа. Сейчас я сотрудник центра, в котором раньше реабилитировался. Не скрываю там свой ВИЧ-статус. Мне важно ездить на обследования, лечиться. Не собираюсь ничего для себя требовать, бороться за доступность лечения — мне никто ничего не должен. Понимаю, что только я должен, но и обижать себя не дам, потому что если мне скажут с пренебрежением: «эй ты, иди отсюда», то не смогу, опустив глаза, уйти, не дам себя обидеть. Может быть, это нехристианский дух, но он во мне есть.

Для меня, как для человека церковного, важно, чтобы при окормлении пастырском отцы знали, кто пред ними стоит, за какую человеческую судьбу они берутся, чтобы от незнания не было грубых ошибок. И чтобы я видел, что батюшка информирован о моей болезни, иначе сам начну терять к нему доверие, поскольку для меня важно, чтобы на мои вопросы по выстраиванию жизни отвечали с учетом особенностей моего заболевания. Это главное, что сейчас беспокоит.

Болезнь накладывает отпечаток на весь строй моей жизни, определяет решение многих значимых вопросов. В частности, даже верующий врач теперь рекомендует, в связи с ухудшающимся здоровьем, взять разрешение на облегчение поста: вкушать рыбу и молочные продукты. А если мне назначат АРВ терапию, то всё еще раз изменится, и придется опять пересматривать вопросы трапезы. Но я жду её назначения. Потому что люди, которым доверяю, говорят, что и самочувствие, и иммунный статус улучшаются при её применении. Есть батюшки, которые думают, что ВИЧ-инфицированные имеют память смертную, и это подвигает их на духовную жизнь и аскезу, но в себе вижу иное, и меня ВИЧ-статус подвигает на другое. Благодаря ему, думаю более о трезвой жизни с Богом, жизни по Его заповедям, потому что прежде её у меня не было. Размышляю о том, как жить дальше, как лечиться, ведь мне всего 28 лет. Не могу сказать, что не задумываюсь о том, как буду умирать, скорее даже знаю, как хочу умереть — христианской мирной кончиной. Но не имею сил и не считаю нужным думать об этом постоянно, иначе впадаю в депрессию. Господь дал эту болезнь как предупредительный звонок, чтобы мне изменить свою жизнь, но продолжать жить. Потому что Господь хочет меня научить, как я должен, имея эту болезнь, жить пред Богом. Он наказал меня, но при этом сохранил мне жизнь.¹³

¹³ «Леонид» успешно прошел реабилитацию на Свято-Троицком приходе села Петровское Иваново-Вознесенской епархии. Женат, является ведущим сотрудником православной организации, проводящей реабилитацию наркозависимых и помогающей ВИЧ-инфицированным.

Интервью с воспитанниками, проходящими реабилитацию на православном приходе

Денис

(воспитанник, недавно поступивший на реабилитацию)

Как ты жил в городе?

Пришел из армии, устроился на работу. До армии курил анашу. Началось лет в 15, с 8 класса. В 1 классе нас разделили на два класса, попал в класс детей, которые особых надежд не подавали. Класс был гопников. Поведение в основном — неуд. Школа от нас стонала. В 8 классе попал в районную тусовку¹⁴. Перестал ходить в школу. За год посещения школы — 72 часа. Не допустили до экзаменов, хотели оставить на второй год. Ушел из школы, пошел в ПТУ. Там выдали аттестат восьмого класса. Перестал ночевать дома. Ночевал на квартирах друзей, оборудовали подвал. Первый раз попробовал выпить. Я маму предупреждал, когда ночевать не приду, говорил, что ночую у друзей. В 16 лет пошел работать плотником. Группа в ПТУ такая же была, как и класс. Расформировали за драки. Очень многие из этой тусовки сидят, сейчас из тюрем не вылезают. А мне какая-то сила помогала, так что я не сел до 18 лет.

Какая сила помогала?

Моя бабушка была верующая. Ей было 90 лет. Ездил за мной в школу и ждала маминого прихода до 7 вечера. У нас была Библия на немецком, и по картинкам она рассказывала библейскую историю. Сейчас постоянно молюсь за бабушку. Но в то время я думал, что мне просто везет.

¹⁴ Общество молодежи.

Откуда брал деньги на наркотики?

Разгружали арбузы. У мамы брали. Мама пыталась как-то остановить, выпороть, но я ремень выхватил и не дался. Промышляли разбоем. Участвовал в драках район на район. Позже, когда работал, в основном с заработанных денег, но и воровал тоже. Торговал книгами. Один раз был грабеж. Был «на кумарах»¹⁵ — не было денег. Стоял в сберкассе и смотрел, как люди снимают деньги. Подошла женщина, вся в золоте, и снимала проценты с вклада — три с половиной тысячи, и меня взяла злость. Я подошел к стойке и взял деньги. Сам от себя такого не ожидал. Воровать иногда приходилось. Со стройки брал что-нибудь продать, у барыг воровал деньги или героин. Давал им деньги, смотрел куда кладут и обратно подрезал¹⁶. У мамы из дома брал деньги и вещи. Сначала продал свои, потом и мамины. В бригаде не воровал, хотя знал, где лежат деньги.

Что изменилось после 18 лет?

Когда пришел из армии, началась нормальная жизнь, но мне она казалась рутинной. По вечерам встречался с друзьями, девчонками. Просто гуляли, пили пиво, разговаривали, ходили в кино, на дискотеку. Но мне это быстро надоело. Не мог жить так однообразно. Вернулся в старую компанию, доармейскую. Там — кто воровал, кто работал. Они в это время уже употребляли наркотики. Тогда я начал употреблять джеф¹⁷ 2—3 раза в неделю. Героина еще не было. Под джефом человек становится добрым и готов

¹⁵ Состояние абстинентного синдрома с комплексом вегето-сосудистых расстройств.

¹⁶ Воровал.

¹⁷ Психостимулятор.

делать добро другому: тебе хорошо и хочется, чтобы другому было хорошо, — а джеф считается постельным наркотиком, и когда берешь, то заранее договариваешься с девчонками, которые употребляют джеф. Это совсем другие ощущения: в тысячу раз сильнее. Особенно «на приходе»¹⁸. На душевные чувства не рассчитываешь. Идет удовлетворение плоти. Бывает, что люди скидываются, и бывает, что три девчонки—два парня, бывало и другое количество. На улице если встретишься — никаких отношений потом нет. Нас связывал только наркотик. Даже не хотелось никаких серьезных отношений с этими девчонками. Они были слишком доступны, зачем нужна девчонка, которая за ночь имеет трех—четыре человека? Если бы испытывал какие-нибудь чувства к человеку, никогда не позволил бы себе такого отношения к нему. Через год я понял, что меня засасывает, и сам бросил. Тяжело это далось. Просыпался нервный, потому что снится употребление, гонишь по вене¹⁹, а «прихода» нет. Но как-то пересилил себя. Поменял работу, потому что понял, что не могу на однообразной работе, мне нужны перемены. Устроился на стройку, чтобы ездить в командировки по Союзу. Меня устраивало ездить, но через два-три месяца командировки начинал скучать без Питера. Знакомый заплатил за обучение, и я получил водительские права. Работал на грузовой машине, себе купил «Москвич». Я был первый в районе с машиной. Мне нравилась дорога, нравилось водить. Когда стали мало платить водителям, вернулся на стройку, потому что привык к деньгам. А на стройке зарплата была намного выше, чем у водителя. В 24 года познакомился с будущей женой.

¹⁸ Состояние эйфории от приема наркотика.

¹⁹ Делать внутривенную инъекцию.

Каким образом в твою жизнь снова вошли наркотики?

В Москве на стройке получал очень хорошие деньги и попробовал героин: по глупости и от большого количества денег. В этот период я женился, вспомнил джеф и решил, что в любой момент смогу бросить, что с героином мне легко будет расстаться. Но настал момент, когда я почувствовал, что попадаю в зависимость. В Москве потерял крестик. Крестился за компанию в 16 лет и носил крестик, как украшение. Когда потерял его, у меня пошли неудача за неудачей. Решил бросить наркотики, но через два дня попал в больницу с гепатитом. В больнице было очень скучно, там я познакомился с Мишей, он привозил в больницу героин. И я решил, что пока лежу, буду употреблять, а перед выпиской меня заломало²⁰. Я удивился, думал, что заболел. Но ребята по палате сказали, что это, скорее, кумары²¹. Месяц с печенью находился дома, и раз в неделю употреблял — не мог отказаться. Выйдя на работу, прервал употребление. Вскоре в бригаду пришел монтажник, который употреблял героин. Постепенно и меня засосало. Даже перестала возникать мысль о том, что можно бросить. Мысли повернуты в одну сторону: где найти денег и где найти товар²² — и так в течение двух лет. Ушла жена с ребенком. Вынес из квартиры и продал всё, что заработал. Машину, видеокамеру, стенку. После ухода жены понял, что нужно что-то менять. Попал в ГНД²³. Там познакомился с психологом, ходил к нему на группу и год был в ремиссии. Потерял страх перед срывом, через год вернулась самоуверенность, что я победил — расслабился, зарплата была хорошая. Вер-

²⁰ Появление признаков абстиненции.

²¹ Состояние абстинентного синдрома с комплексом вегетососудистых расстройств.

²² Наркотик.

²³ Городской наркологический диспансер.

нул отношения с женой, и всё у меня было хорошо. Сорвался с другом из района. Решил ему помочь, устроить к себе на работу. Саша стал приходить уторченный²⁴, но я держался. А потом был праздник, и мы выпили на работе. И по пьяни я решил, что если один раз себе позволю, то ничего не будет. Мы поехали к барыге²⁵, и я опять убедился, что одного раза не бывает. Сразу испортились отношения с женой. На работе еще два года меня терпели, за меня боролись. В итоге лег в больницу с воспалением легких, и бригадир меня уволил. Лег в ГНД, потому что дома сам не мог переломаться, там узнал про «Мельницу» и поехал туда. Когда съездил в Печоры, пересмотрел очень многое. Изменил взгляд на свой образ жизни. Глаза открылись. Наркоманское времяпрепровождение, тусовка в курилке мне стали не интересны.

Почему ты решил уехать на приход?

В городе опять появилась уверенность, что не вернусь к наркотикам, но поход в храм постоянно откладывался, вместо этого ходил в бильярд или в кабаки. И настрой, полученный в Печорах, выветрился, постепенно и незаметно опять в жизнь вошли наркотики. Был полностью раздавлен. Даже пропала надежда, что смогу что-то изменить в своей жизни. Полностью опустил руки. И когда сотрудник центра, где прежде проходил реабилитацию, предложил мне поехать на приход, очень обрадовался.

Что ты обрел благодаря пребыванию в Георгиевском?

Самоуверенность пропала, понял, что сам я один не смогу. Моя уверенность в себе может привести только к смерти. Приобрел не самоуверенность, как раньше, а веру. Узнал Бога. Я понимаю, что без Его помощи мне

²⁴ В состоянии наркотического опьянения.

²⁵ Продавец наркотиков.

не изменить образ жизни. Наркотик — это второстепенное, главное — образ жизни. Не было бы наркотика, было бы что-то другое. Если я изменю свое поведение, отношение к жизни, то тогда в этой жизни наркотику не будет места. Многие наркоманы хотят просто бросить торчать²⁶, но они ошибаются, потому что на место наркотика придет что-нибудь другое, потому что с таким образом жизни ничего хорошего не будет. Пытаюсь понять, как жить по-другому. Тяжело перестроиться. Но если этого не сделать, то будет опять возвращение к наркотикам.

Как ты воспринимаешь это место?

Ощущаю его, как второй дом, но это совсем недавно, недели две. Потому что, если у меня что-то получится, то Георгиевское будет как колыбель моей новой жизни. Здесь нормальные человеческие отношения, в городе очень редко встретишь, когда человек на самом деле интересуется, как у тебя дела. В городе это только слова, каждый на самом деле занят только собой. Здесь жизнь проходит размеренно. В прошлом месяце я опять сошел с рельс, забыл, зачем приехал: после послушания — прогулки, нарушение правил, болтовня с противоположным полом — то, что запрещено по уставу. Когда батюшка дал «по шапке», то я осознал, что приехал не для этого и благодарен, что вовремя дали. За последние две недели я узнал больше, чем за прошлый месяц. Ощутил, для чего я здесь. Зачатки были заложены раньше, но изменения произошли только сейчас. Посмотрел здесь на людей и понял, что можно и нужно жить другой жизнью — духовной. Главный вопрос сейчас — как мне измениться.

²⁶ Употреблять наркотики.

Какие проблемы возникают в твоей жизни здесь?

Это борьба с собой. Всё равно скучаешь по Питеру. Тянут не друзья и мама, а сам город. Бродить по Питеру. Пройтись по Неве. Я люблю Питер. Женщин не хватает. По мелочам каждый день в чем-то борешься с собой. Уныние тоже бывает проблемой. Кажется, что зря теряю время, что занимаю чужое место, что мне себя не изменить. С этим тоже надо бороться. Проблема отношений. На некоторые вещи у нас с монашествующей братией очень разные взгляды, то, что я считаю нормальным, что в городе считается нормальным, здесь не принято. Часто бывает, что подумаю и соглашусь, что монашеский взгляд вернее. Но иногда что-то делаешь, а тебя не одобряют, и не понимаешь, что ставят тебе в укор. Тогда спрашиваю у братии, но чаще, всё же, сам понимаю, что это мой косяк²⁷.

Николай

(воспитанник, проживший на приходе около года)

Как ты жил в городе?

Всё было, хотелось еще чего-нибудь. Были друзья, любовь. Мне было 20 лет, ей 18. Пришел на дискотеку с одной девочкой, ушел с другой. С дискотеки приехали домой. С первой же встречи начались интимные отношения. Родители знали, что у нас отношения с Катей, и когда нужны были деньги на аборт, папа сразу дал. Она училась в институте. И мне и ей нравилось ходить на дискотеки. Я мог выпить маленько пива и танцевать до утра. Она тоже со мной пила пиво и танцевала. Литературой я не интересовался. Прочел всего три книжки: «Американская трагедия», фантастику, «Ночной дозор». Окончил 11 классов. Отмет-

²⁷ В данном случае ошибка, неправильный поступок.

ки — тройки, четверки. Поступил в железнодорожный техникум при помощи папы. Папа договорился, я бы сам русский и математику не сдал. Прогуливал, ушел со второго курса. Потом связался с наркоманом, ходил гулять по городу. Лишь бы не быть дома. Пошататься где-нибудь.

Каким образом в твою жизнь вошли наркотики?

Перевозил наркотики в 1997 году — это был шанс подняться. Пришел к другу-алкоголику, так как хотел выпить, он предложил подработать. Дал чек (доза наркотика), я продал в техникуме (героин был очень хорошего качества). Потом повез грамм в поселок Красная Звезда. Я отдавал героин на реализацию и забирал деньги. Меня подставили — не отдали деньги. Месяц скрывался, потом взял деньги у мамы. Меня уже стали искать из бандитской группировки, и родители отдали деньги. Тогда еще героин не пробовал. Спустя 4 месяца после встречи с Катей появились наркотики, в 2000 году, 2 февраля. Меня угостил парень. Я подержал ему вену в парадной, в перерыве между занятиями в техникуме. Потом сам попробовал, понравилось. Потом Катин аборт, скандал. Её мама стала меня ненавидеть. Катя сказала, что нам пора расстаться. Напоследок пошли в кафе. И там договорились встречаться, чтобы никто не знал, я даже на радостях напился. Когда она уехала, я пошел в метро «Новочеркасская» и увидел наркоманов. Подошел, попросил героина. Я их обоих не знал. Прямо в парадной употребили. Для меня дозы было много, и я упал в песок, там, где строилась трамвайная линия. Подъехал милицейский козелок, меня забрали в отделение, но отпустили. С барыгой познакомился на улице, взял его телефон. Кате я сказал, что употребляю. Она заставила меня рассказать об этом родителям.

На наркотики нужны деньги. Как ты их доставал?

С деньгами проблем не было. Деньги были в тумбочке или в баре. Я брал без задней мысли. Поначалу, видел стопку денег, и считал что три—четыре бумажки не повлияет никак, а родители не замечали. Когда заметили, был скандал.

После срыва ты уехал в Георгиевское. Как ты воспринимаешь это место?

С положительной стороны. Здесь всё очень добро. Тут есть всё, что нужно человеку. Это рыбалка, это пчелы, жизнь на воздухе, лодка, вода, собаки. Здесь я чувствую себя более свободным. Это надо ценить. Всё как-то для души. Бог насильно ни к чему не приводит. Учусь делать выбор, ценить свободу. Стал на какие-то вещи смотреть проще. Больше всего меня искушает работа. Стараюсь смириться с тем, что люди по-разному относятся к работе. Не важно, что подумают обо мне или скажут. Стараюсь, чтобы для меня это стало неважным. Понимаю теперь, что послушание — это не работа, а отсечение воли. Бывает, делаешь с удовольствием, бывает «через не хочу». «Любишь медок, люби и холодок». Мед достается очень болезненно, оказывается. Стал более спокойным, это, наверное, потому что батюшка молится.

Какие открытия ты сделал для себя?

Тишина — это хорошо. Понял это здесь. Надо ценить тишину, безмолвие. Здесь это почувствовал. Ранее тишина вызывала беспокойство, это было подозрительно. Понял, как можно смиряться перед людьми, но с некоторыми я еще не смирился. Пытаюсь как-то вникнуть в евангельские слова «любить того, кто тебя ненавидит». Стал замечать, что лишнее слово может разжечь в другом огонь, стараюсь тормозить. Мне стало что-то открываться, какой-то смысл. Жизнь здесь научи-

ла больше понимать и стараться терпеть людей. Стал сочувствовать тому, что некоторые еще не понимают и не хотят понимать того, что я уже понял. Здесь начал молиться. Знаю, что я не один. Что Бог есть, и Он со мной в любой ситуации. Раньше с такой силой этого не чувствовал. По-моему, продвигаюсь к Богу ближе. Отношение к ВИЧ стало более спокойным. Бывает, забываю про то, что инфицирован, бывает и нахлынет, что осталось совсем немного... Но теперь стало спокойнее, раз так, значит так и надо. За всё надо благодарить Бога.

Какие проблемы возникают в твоей жизни здесь?

Для меня большая проблема — причастие. Хочу очень серьезно подготовиться к причастию. У меня появился страх, что надо за всё отвечать. Страх перед срывом. Мне даже сны снятся. Они на меня давят, эти сны. Очень боюсь срыва, потому что у меня другого шанса не будет. Бывает искушение, хочется покричать матерные слова, но надо держаться, это не нужно. Даже когда пчелы укусили — ничего не сказал.

Что бы ты оставил и что изменил в своей жизни?

Я многое сохранил бы из своей прошлой жизни, но только с другой стороны подходил. Разумно бы пользовался деньгами. Тратил бы на проживание, маме отдавал, на что-нибудь копил. Очень хочу игровую приставку. Хотел бы другой диван, потому на старом творилась ерунда: блуд, наркотики. Поменял бы отношение к миру, людям, родителям. К ним надо относиться трепетно теперь. Надо вернуть отношение родителей к себе, потому что они относились ко мне, когда употреблял наркотики, как к животному, надо чтобы опять как к человеку. Хотелось бы с отцом быть. Очень хочется восстановить с ним отношения. Надо многое в корне менять: отношение к родственникам, отсечь дружков, меньше вспоми-

нать наркотики, не искать большие деньги. Понимать, что материальное — это иллюзия. Иллюзия, что деньги — это всё. Чем больше имеешь, тем больше проблем, нервов.

Что ты обрел благодаря пребыванию в Георгиевском?

Я обрел духовного отца, вернее хотел бы, что бы батюшка был моим духовником. Это лучше, когда один человек знает все проблемы. Есть вопрос — сразу беги и спрашивай. Понял, что не надо к людям зло таить. Нам не дано знать, что каждый думает о другом. Бросить наркотики еще не достаточно, потому что там будет суд. И без разницы: курил, наркотики, пил, блудил. Надо стараться жить более или менее правильно, потому что жизнь короткая и тонкая. Нужно исправиться за тот срок, что проживешь, это по силам. Потому что не по силам Бог не дает. Самое главное, что я первый раз так долго трезвый. Наркотики для меня были жизнью, и без них был как без воздуха (уколотся нужно было, чтобы просто существовать). Постепенно стал здесь отрезвляться и понимать, что очень хорошо без них. Для меня Георгиевское — это тыл, школа, даже ясли. Чтобы научиться ходить. Научился бороться с помыслом о наркотике молитвой. Читаю Евангелие. Надо постараться усвоить здесь как можно больше. Набраться столько, чтобы смочь справиться в городе с наваждениями, потому что город отнимет столько, сколько ему надо. Надо набраться благодати на борьбу с искушениями. А когда она закончится, опять приехать за помощью. Потому что без Бога никак.

**Воспоминания о жизни
в селе Георгиевское
его бывших воспитанников**

Андрей

В Георгиевском я провел около восьми месяцев. Небольшой срок в календарном смысле, однако, сейчас, по внутренним ощущениям, кажется, что прожил там гораздо дольше. В какой мере разлилась моя прежняя городская жизнь с приходской, в той же мере каждый прожитый при храме день обогащался новыми впечатлениями, и срок пребывания в Георгиевском представляется для меня теперь более продолжительным.

Собираясь в Георгиевское, я не имел почти никакого понятия об укладе и принципах приходской жизни. Все мои знания об этом имели своим основным источником рассказы о жизни на приходе моих новых друзей, имевших такой опыт. Их главенствующим настроением было восхищение, а целью — воодушевить меня на этот шаг и предостеречь от распространенных ошибок. Однако связной и четкой картины мне создать не удавалось. Помню, что даже спрашивал: «Можно ли мне взять с собой зубную щетку?».

Приехал я на приход зимой. Хорошо помню день приезда. Было довольно холодно — более 20 градусов мороза. Мы доехали из Санкт-Петербурга до поселка Ермолино, там пересели на электричку Иваново—Кинешма, по прибытии в Кинешму сели на автобус до Решмы. Первые необычные впечатления начались в автобусе. По времени поездки от Кинешмы до Решмы занимает минут сорок. По прошествии порядка пятнадцати минут поездки в автобусе разбилось и вылетело лобовое стекло. По городским меркам ехать при двадцатигра-

дусном морозе без лобового стекла — немислимо. Здесь же действовали свои порядки. Водитель без колебания натянул и подвязал шапку-ушанку, и мы продолжили движение. В Решме нас встретил игумен Мефодий и на «Запорожце» по Волге, покрытой льдом, доставил до места назначения — села Георгиевское.

Первыми людьми, которых я встретил, оказались о. Силуан, с черной заиндевшей бородой, и Вячеслав, ремонтировавшие большие, из жести и дерева, санки. Всё было немного похоже на сказку — бородатые и сильные, не боящиеся мороза, приветливые люди, деревенский быт, красота природы, ощущение полной оторванности того места, куда я попал, от остальной цивилизации.

Внешняя жизнь, связанная с работами и прочим, на первый взгляд, ничем особо примечательным не выделялась. В первом приближении именно так городской житель, скорее всего, представляет себе жизнь в деревне. Первое замеченное мною отличие касалось взаимоотношений между насельниками Георгиевского. Было очевидно стремление людей смирять свой эгоизм, что резко контрастировало с тем, что я видел до сих пор. Может быть, не всегда и не у всех это получалось, но общая направленность ощущалась определенно. До этого в моем прежнем кругу, где каждый хотел доминировать, я почти не встречал такого. Вместе с этим, в отношениях между людьми главенствовала доброжелательность, не напускная и бурная, а тихая, которой доверяешь больше. Я едва ли что понимал в жизни по Богу, но мне сразу понравилось, как живут эти люди. Я стал им доверять. Мне захотелось им подражать. Это было что-то гораздо более стоящее и настоящее, чем то, что я видел и переживал прежде.

Самым заметным в плане влияния на внутреннюю жизнь внешним впечатлением явилась тишина. Необычайная. Тишина, способствующая напряжению органов

чувств, внешнему и внутреннему вниманию, так как странно вначале оказаться в таком звуковом вакууме.

Вскоре я понял, что основным стержнем тамошнего жизненного уклада является Богослужение: не только служба, совершаемая в храме, скорее, особая расстановка жизненных приоритетов. Во-первых, люди, живущие на приходе, стараются служить Богу, во-вторых, реализуют нужду в выполнении других насущных работ. При этом каждая такая работа освящается молитвой. В случае возникновения конфликта предпочтение отдается занятиям, связанным с Богослужением. Помню, как в разгар летних работ, о. Силуан дал мне послушание одному идти читать Повечерие, несмотря на ценность лишних рабочих рук, так как по его словам «у нас не должно прекращаться молитвословие».

Каждый из сезонных периодов имеет некоторые особенности, в то время как незыблемым стержнем является церковный уклад жизни.

Зима — пора особой тишины и самоуглубления. Кажется, что природа уснула, в ней ничего не происходит. Это рождает покой и особенное состояние духа. Никуда не спешишь, везде успеваешь. Временами природа радуется глаз необычайной красотой — сочетание яркого солнца на голубом небе и ослепительно белого снега, блеск инея на ветвях деревьев и на стекле окна твоей келии.

Весной природа истощена, и ты вместе с ней. Время Великого поста, когда основной пищей является Богослужение. Внутреннее сосредоточение облегчается не только пищей, но и тем, что природа в это время очень скупа на яркие краски — доминирование серого и коричневого. Первый раз Великий пост — особенный. Каждый из отцов и братьев имеет свои личные воспоминания, связанные с первым Великим постом. Ожидание Великого поста как Великого таинства. Первая Седмица — чувства голода и усталости побеждаются желанием

глубже понять и вместить в себя происходящее. Последняя Седмица — физические силы на пределе, чувства обострены воздержанием, ожидание Пасхи достигает своего апогея. И вот долгожданный День. Необычайная радость, выражаемая всеми по-разному — от тихого углубленного в себя умиротворения, до благообразного безумства. Всю Светлую Седмицу — праздничный стол, утешения на любой вкус, звон колокольной, каждодневные праздничные вечерня, утрениа и литургия.

Лето — пора физически сильных людей. От напряженности труда зависит объем продовольственных запасов на целый год. Для того, чтобы год прошел без голода, необходимо серьезно потрудиться. Работы разнообразные, в основном сельскохозяйственные, заготовки дров и строительные. Время физической усталости.

Уехал я несколько раньше, чем планировал. Мне не хватило настойчивости остаться на более долгий срок. Уходило лето, всё желтело вокруг, уезжали новые друзья, и мне тоже захотелось перемен. Я не всё понял в тамошней жизни и не осознавал, что теряю, когда уезжал. О. Мефодий объяснял мне, что проведенный мною срок достаточен лишь для понимания внешней стороны жизни на приходе. Это первый этап. Когда адекватное осознание внешнего круга жизни позади, когда большинство внешних действий и отношений может совершаться полуавтоматически, настает пора углубиться во внутренний круг. Вряд ли можно отыскать более благоприятную ситуацию для воцерковления, чем та, которую мне дал Бог: жизнь вдали от городов, рядом с человеком, прошедшим серьезную духовную школу. Теперь я понимаю, что поступил весьма неразумно, пренебрегая этим даром.

После основного периода жизни в Георгиевском, я бывал там еще много раз, оставаясь примерно на месяц. Ездил не в силу каких-то проблем в городской жизни, а потому, что имел в Георгиевском своего духовного отца и

братьев, желание большего воцерковления, а также чувствовал привязанность к этим местам. Для меня это место, в котором, я уверен, мне всегда смогут оказать радушный прием, где живут мои духовные наставники и друзья, где я всегда смогу получить духовное утешение и приобщиться к тому укладу жизни, который мне стал очень дорог²⁸.

Михаил

Поставив сумку на пол, я присел на кровать и огляделся вокруг. Ничего на приходе не изменилось, хотя прошло почти четыре года. Время не властно над этим местом. Конечно, здесь появились новые постройки, да и технический прогресс не обошел стороной, но ничто не смогло нарушить то состояние покоя и чего-то еще, что так чувствует душа, и совершенно невозможно выразить словами. Я закрыл глаза...

Когда мама оставила сына на скамейке возле дома, подождать её пока она сходит в магазин, к мальчику подошли двое. Они были старше его и учились в классе пятом или шестом. А еще эти парни были сильней, и им хотелось свою силу показать. Вернувшись из магазина, мама застала своего ребенка плачущим, но на все её вопросы, что случилось, что произошло, сын так и не ответил. Он тогда хотел одного. Отомстить. Но для этого надо стать жестоким, решил он...

Это была первая, но далеко не последняя, большая ошибка в моей жизни. Родившись в семье, где родители были инженерами, бабушка учительницей, а дедушка партийным работником, я не мог достигнуть сво-

²⁸ После успешного прохождения реабилитации «Андрей» вернулся к научной работе, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации. В настоящее время «Андрей» - доктор технических наук, преподаватель престижного государственного ВУЗа. Часто гостит на Свято-Георгиевском приходе

ей цели, а именно стать жестоким, и поэтому я периодически убегал из дома, где меня все любили. Бродил по улицам, в то время как родители буквально сходили с ума, не зная, где их единственный сын. Когда я возвращался, мое отсутствие прощали, и дома наступал праздник. Еще мне очень нравилось болеть. Лежа в кровати и изображая очередной недуг, я наблюдал, как суетятся родители и исполняют почти любой мой каприз. В этом заключалась моя вторая большая ошибка. Так с самого юного возраста во мне развивался эгоизм. Спустя несколько лет, я уже профессионально умел врать, а поскольку я выглядел симпатичным и происходил из интеллигентной семьи, то мне верили, и я легко получал то, что хотел. Если желаемого не удавалось добиться обманом, то позволял себе украсть, а если очень хотелось, то и отнять. Чем дальше, тем больше, к тому же мне везло, и я не попадался на преступлениях. Но жизнь почему-то была не в радость. Меня томила скука, и порой становилась так тоскливо, что я готов был резать вены на руках. И однажды хмурым осенним днем, когда на душе у меня в очередной раз царил тоска, я просто поехал к знакомому и сказал, что хочу купить наркотик. До этого я пробовал дышать, курить, пару раз двигался кислотой, закидывался²⁹ грибами, но никогда не знал действия опиума. Знакомый торчал на черном³⁰ и, конечно, помог мне взять раствор — 1,5 мл. Это стало третьей большой ошибкой в моей жизни. Кайф³¹ мне очень понравился. Мир вокруг изменился. Стало легко и ничего не томило душу. Даже тошнило по-особенному. Как будто просто выливалось лишнее, и на эту тошноту совсем можно не обращать внимание. Ведь в голове и на

²⁹ Разные способы употребления наркотических веществ.

³⁰ Раствор ацетиленованного опия.

³¹ Состояние эйфории от приема наркотика.

душе сказочное блаженство. Нужны только деньги, чтобы брать дозу и продлевать радость. Я рос. Рос вместе со мной и мой дозняк³². Появился героин, постепенно заменив собой раствор ацетиленованного опия. Когда я опомнился, то уже стоял на коленях... Героин стал моим хозяином. За белый порошок я был готов на всё. Теперь, когда я полностью находился во власти зла, сам делал зло, оставалось только умереть. Либо от передоза³³, либо иначе. Жить я уже не мог...

Эти воспоминания пронесли у меня в голове. Я открыл глаза. Стояла тишина. Тикали часики на стене. С жужжанием билась о стекло муха. А за окном виден храм. Его купола сверкают на солнце каким-то особенным блеском. Этот храм, это место спасли мне жизнь. Я приехал сюда, когда надежды на спасение почти не осталось.

Сначала было тяжело привыкнуть рано вставать на молитву. Тем более, что особой веры в Бога и не было вовсе. Наоборот, чувствовалась какая-то злость на всё, что связано с православной Церковью. Также было в тягость работать за послушание у батюшки. Но что-то в душе тянулось ко всему этому. К этим бородатым людям в черных одеждах. И я остался жить с ними, а они приняли меня и молились за мое спасение. Через какое-то время я начал видеть вокруг себя жизнь. Героин не тяготил меня воспоминаниями о себе. Постепенно я привыкал к труду. Мне казалось непонятным, как я мог жить раньше так бездумно. Делать вещи, от которых страдали и близкие, и, в первую очередь, я сам. Ведь человек не создан быть рабом привычки. Теперь я это точно знал. Стал появляться интерес к работе, к церкви. Уже не тягостно было выстаивать церковные службы.

³² Количество употребляемого наркотика.

³³ Смерть от передозировки наркотика.

Новое ощущение подъема, радости и покоя появилось в душе. И каждый прожитый день стал приносить радость. Я чувствовал себя легко, смотрел на мир другими глазами. И понял слова великого Ф.М. Достоевского, что без веры русский человек — дрянь. Главное, я сам поверил. Эгоизм, гордость мешали мне обращаться к Богу, но теперь я знал причину и был готов к борьбе со злом, которое еще жило во мне и, временами, пыталось вырваться наружу. Прошло два года жизни в монастыре. По утрам молитвенное правило, батюшкино благословение, затем завтрак и до обеда работа по хозяйству, потом небольшой отдых и снова какое-нибудь дело до ужина. Трудиться становилось всё легче и, хотя я иногда уставал, эта усталость была приятной. Я начал задумываться о том, как жить дальше. Вернуться в город или остаться в монастыре подольше. Я решил уехать в город и начать честно жить и работать там. Вскоре это устроилось. Почти четыре года я провел в городе, но не всё пошло так, как мне изначально хотелось. Я принял решение снова вернуться в монастырь. Мне стало понятным, что предстоит еще большая борьба со страстями. Но я точно знаю, что в предстоящей борьбе я не одинок. Не надо лукавить и лгать, а нужно просто прийти и сказать: «прости и помоги, Отче». И твои слова будут услышаны. И придет помощь, и вернется силы.

Слово родителям

Софья Андреевна

У нас с мужем четверо детей: 3 сына и дочь. Старший сын уже давно женился и живет отдельно, со своей семьей. С остальными тремя детьми мы почти всегда жили вместе в одной квартире.

Сейчас мне уже сложно вспомнить, когда начались проблемы...

Когда среднего сына Георгия призвали в армию, получилось так, что как раз в тот год пришла заявка на 50 человек для прохождения службы в милицейском полку в Ухтомке. Он попал в этот полк. Меня потом долго обвиняли родные и знакомые в том, что я дала взятку, чтобы пристроить его в армию, поближе к дому. Но я этого не делала. Так уж сложилось. Так вот, мне очень запомнились рассказы Георгия о том, как он патрулировал окрестности. Он хвастался тем, что у него «нюх» на наркоманов и на наркоманские притоны, и что ему в части даже благодарности выписывают за его успехи. Тогда я никакого значения этому не придавала, и только спустя долгое время я поняла, что этот «нюх» у него неспроста. По всей вероятности, он уже в то время баловался наркотиками.

Вещи из дома начали пропадать уже давно, но я, как и любая мать, долго не могла поверить, что мой сын обманывает и обворовывает собственных родителей, собственную семью. Я стала замечать его неадекватное состояние и странное поведение. Потом нашла у него шприцы. Другие дети были невольными заложниками ситуации, но не знали что делать, да и вряд ли могли что-то изменить. Они боялись находиться дома, боялись, что у них снова что-то пропадет. Вся семья нахо-

дилась в постоянном напряжении и ожидании чего-то недоброго. Я всё чаще начала задумываться о том, что нужно что-то предпринять, и не только ради самого Георгия, но и ради блага всей семьи.

Скандалы в доме стали обычным делом. Ложь, долги, кражи из дома, постоянные звонки из банков из-за непоплаченных кредитов не прекращались. Я не знала, как достучаться до сына.

Я пригрозила Гоше, что если он не прекратит употреблять, мне придется его выгнать, а если понадобится, вызову милицию. Всё это только увеличивало его агрессию. Он обвинял меня во всех своих бедах. Говорил, что я не люблю его и что желаю ему зла, что всё, что с ним происходит, из-за меня. Как ни странно, но он находил одобрение своей позиции в глазах отца. Я понимала, что не смогу решить проблему всей семьи в одиночку, без поддержки остальных членов семьи, но не знала, как поступить. Участковый сказал мне, что, чисто по-человечески, конечно, его нужно гнать из дома, но если по закону — этого делать нельзя. Нужно было как-то спасти семью.

После того, как случился очередной скандал, я вызвала милицию. Георгий, узнав об этом, испугался, разозлился и ушел из дома. Очень сложно было пережить то время, когда родной сын шатается неизвестно где, неизвестно как проводит время. Подъезды, вокзалы, сомнительные друзья и знакомые заменили родной дом, а наркотик — семью. Но очень скоро он начал приходить и просить отца, чтобы тот уговорил меня пустить его домой. Я понимала, что это не решение проблемы, что нужно предпринять нечто радикальное.

Через неделю мы встретились с ним, и я предложила ему помощь. Мы увезли его в далекую деревню в Рязанской области, где добрые люди помогли устроить его в больницу, приютили и согласились на то, что он

какое-то время поживет у них. Впоследствии Георгий решил остаться там, устроился на работу, а мы помогли ему купить дом. Но спустя какое-то время мне позвонили и сказали, что у Георгия проблемы, что в его доме собираются местные алкаши и устраивают попойки. Пришлось забрать сына обратно в Москву. Всё вернулось на круги своя.

Георгий узнал, что у него ВИЧ, но это не только не заставило его задуматься и остановиться, но еще сильнее подогрело его отчаяние. На протяжении пяти лет он вел совершенно беспутный образ жизни: не работал, почти не выходил из дома, не готовил еду, ничего не делал по дому, даже посуду за собой не мыл. Когда я пыталась воззвать к его совести, он начинал нервничать и оправдываться, что ищет, но не может найти работу, или что завтра у него собеседование. К моему приходу он обкладывался газетами и создавал вид активного поиска вакансий. Отец тем временем, придя вечером с работы, шел к нему в комнату, забирал грязную посуду, мыл её, затем готовил ужин, относил ему на подносе и они вместе ужинали. Потом отец немного выпивал и засыпал, а Георгий уходил на улицу. Утром, как правило, обнаруживалась очередная пропажа денег из кармана отца. Ничего не менялось из года в год, все мои попытки что-то изменить проваливались, бездействие продолжалось.

Однажды, проходя мимо комнаты, я случайно услышала их разговор с отцом по телефону. Отец обессиленным голосом говорил: «Гоша, я ни у кого больше занимать не буду... Я уже всем должен на работе... Мне не хватит никаких зарплат, чтобы расплатиться с долгами...». Всё зашло уже слишком далеко. Тогда я решила выгнать его из дома, но муж долго не давал мне это сделать, защищая его. Георгий пользовался добротой и доверчивостью отца, и продолжал обманывать, вы-

могая деньги то на выкуп документов, то на штрафы в ГАИ, каждый раз придумывая всё новые истории и продолжая колоться. Отец же всё это время верил, что спасает сына из беды, помогает ему решить проблемы и едва ли подозревал, что сыну просто нужны деньги на дозу.

Я вынуждена была поставить Георгию условия: «Либо ты прекращаешь колоться, и мы помогаем тебе найти реабилитационный центр, либо ты уходишь и решаешь свои проблемы сам». В то время он находился под следствием за кражу и легко согласился на мои условия. Мы закрыли его на замок в комнате и стали искать место, где помогают наркоманам. После нескольких неудачных попыток отправить его на лечение, нам в руки попал диск с фильмом о православном приходе в селе Георгиевское, где занимаются реабилитацией наркозависимых. Дочь нашла адрес, и я написала письмо настоятелю прихода, который благословил Георгия приехать на реабилитацию.

Мы очень радовались всей семьей за сына, за брата. Надеялись, что он, наконец, встанет на путь исправления и изменит свою жизнь. Но через некоторое время Георгий, жалуясь на здоровье и плохое самочувствие, стал отпрашиваться с прихода, периодически приезжать в Москву к врачам на обследование. После нескольких таких выездов выяснилось, что он посещает не врачей, а торговцев наркотиками. Несмотря на положительные результаты проверочного теста, сделанного при возвращении в Георгиевское, он отрицал всё и упирался со слезами до последнего. Тут стало очевидно, что он и на приходе не собирался работать над собой и меняться. Он просто на время затаился и притих, чтобы обрести вновь утраченное доверие. После того, как вскрылись истинные мотивы его выездов в Москву, с прихода Георгия выгнали.

Иногда мне кажется, что Гоша настолько заврался, что потерял чувство реальности: где правда, а где ложь. Обман стал его образом жизни. Он врет всем вокруг: родителям, друзьям, знакомым и незнакомым людям, священникам. Он врет уже машинально, не задумываясь, но особенно обидно, что он врет тем, кто искренне хочет ему помочь. Похоже, что он не понимает, что может оттолкнуть любящих людей навсегда, и остаться в одиночестве. Болезнь настолько переворачивает всё в его голове, что он считает своими заклятыми врагами самых близких людей, а в особенности меня, свою мать.

Однажды, пытаясь досадить мне, Георгий сделал вид, что хочет выпрыгнуть из окна нашего дома на 16 этаже. Когда я вошла в комнату, он сидел на подоконнике, свесив ноги, и смотрел вниз. Я пришла в ужас, но нашла в себе силы развернуться и закрыть дверь. Тут же вызвала скорую, но когда медики приехали, сын спокойно сидел в комнате, как ни в чем не бывало. Врачи сказали, что он вполне вменяемый и даже не собирался этого делать. «Он просто играет на ваших нервах, занимается вымогательством».

К тому времени я уже понимала, что он просто манипулирует мной, так как посещала собрания для созависимых, ходила на православные курсы по проблеме наркомании. Благодарна Богу, что в то время Он привел меня в храм. Я стала понимать многое, что было закрыто для меня, в том числе и природу наркомании, и то, что существуют пути решения проблемы. Без Божией помощи мы не могли бы справиться. Мне кажется, что нам было бы намного легче решить проблему, если бы мы с мужем одинаково ее видели. Муж продолжает думать, что всё зависит от самого сына, и совершенно не признает, что это дело всей семьи. Конечно, невозмож-

но помочь человеку, пока этот человек сам не захочет, чтобы ему помогли.

Спустя какое-то время после приезда из Георгиевского, удалось снова отправить Георгия на реабилитацию. Нам помогли найти центр, и он уехал во Владимирскую область. Пробыл там меньше месяца. После этого его вновь согласились взять на реабилитацию в Георгиевское. Взяли, по словам настоятеля, всё же не ради Гоши, а вследствие доброго отношения к нашей семье.

Когда-то у Георгия была девушка Светлана. Очень хороший, милый и добрый человек. Гоша воспользовался её доверием и любовью. Он обокрал её семью, и они вынуждены были написать заявление в милицию, но всё сошло сыну с рук. Бог послал ему еще одну девушку, которую он так же бессовестно использовал в течение нескольких лет. Она давала ему деньги, отправляла посылки, пока он второй раз проходил реабилитацию на приходе в Георгиевском. Ему даже удалось убедить её, что родители плохо к нему относятся и не дают нормально жить, ущемляют в правах. Она не раз в телефонных разговорах обвиняла меня в этом. Но её доверие и сочувствие не пошли сыну на пользу. Георгий, будучи на реабилитации, продолжал пребывать в позиции «жертвы обстоятельств». Он, как и прежде, тяготился приходской жизнью и, в конце концов, нашел повод уехать с прихода. Гоша так и не прошел до конца курс реабилитации.

Когда он приехал из прихода второй раз, то снял комнату и жил отдельно от семьи. На работу его взял к себе старший брат. Но очень скоро Георгий начал подворовывать там и тащить деньги из карманов коллег и у самого брата. Общим решением Георгия выгнали с работы, хотя он еще долго говорил, что ни в чем не виноват. Затем он ограбил квартиру, в которой снимал

комнату. Хозяйка квартиры, женщина-инвалид, копила деньги, чтобы купить на старость домик подальше от города. Она работала, не смотря на свои болезни. Женщина доверяла Гоше и долго молчала, когда начала замечать, что пропадают деньги. А когда она уехала на неделю, он прибрал всё, что у неё осталось, включая золото. Сестра хозяйки написала заявление в милицию. Женщина-инвалид нашла наш домашний адрес и приехала к нам в надежде призвать Георгия к совести, но он от семьи скрывался. По доброте душевной, женщина забрала заявление.

Каждый раз, когда Георгий оказывается в новом обществе, в новой ситуации, ему с легкостью удается добиться расположения новых знакомых. Многие говорили мне: «Какой хороший, добрый, отзывчивый парень, твой сын!» Но как только он втирался в доверие, всё происходило по одному и тому же сценарию. Он обманывал новых знакомых, обворовывал и скрывался. Как только наш сын появлялся в собственном доме, также моментально что-то пропадало: фотоаппарат, телефон, деньги, украшения. Поэтому мы приняли решение не пускать его домой после того, как он обворовал женщину-инвалида.

Настоятель московского храма, где я прихожанка, зная нашу проблему, позвал его и устроил пожить на приходе, когда я рассказала ему, что Георгий по-прежнему употребляет и живет на улице. Его приняли, как родного: кормили, поили, помогали. Но как только стали понемногу доверять, он начал делать «свое дело». Он умудрялся обчищать карманы не только у прихожан, но и у сотрудников храма. После очередной кражи в храм он больше не вернулся. Жил у знакомых, на улице, в подъезде, но по-прежнему не видел ужаса своего положения и не хотел исправляться.

Казалось, что ничто не сможет испугать и остановить его. Но постепенно у Георгия обострились проблемы со здоровьем. В больницах он стал находиться большую часть времени: то пневмония, то нога откажет, то на детокс... Недавно его увезли на скорой в больницу с острым отравлением и обострением гепатита. Врачи сказали, что у него плохие анализы, и очень маленький шанс выжить. Через пару дней он позвонил и сказал, что у них в палате умер парень от цирроза печени. Страх за себя подтолкнул его к решению уехать на реабилитацию, попытаться начать всё сначала.

Сейчас Георгий снова в реабилитационном центре...

Алексей Ильич

*«Бог обращается к человеку шепотом любви.
А если он не слышит — то голосом совести.
Если человек не слышит и голос совести —
то Бог обращается через рупор страданий».*

(К. Льюис)

Наркотизация дочери, которой в ту пору было 17 лет, для нас оказалась полной неожиданностью, потому что в нашей достаточно благополучной семье этого быть не могло, а коль уже случилось, то поначалу казалось, что в этом ничего страшного нет, немножко лечения, и все пройдет. И с этого момента начался кошмар, в который мы стали погружаться всей семьей. Надо было спасать дочь, скрывать это от окружающих и пытаться жить самим. Проходили месяцы, годы, а улучшение не появлялось, но становилось всё хуже. Вся жизнь была сконцентрирована только вокруг дочери. Прежние чувства родительской любви постепенно переросли в ненависть к этому монстру,

который разрушал себя, разрушал семью, разрушал всю нашу жизнь. Ни лекарства, ни психотерапевты ничем помочь уже не могли ни дочери, ни нам. Жизнь потеряла всякий интерес — жить просто уже не хотелось ни мне, ни жене. Я часто бродил по городу, совершенно не осознавая, по каким улицам хожу, чего ищу. И в один из таких дней я оказался в церкви, пред иконой Божией Матери Скоропослушницы. До этого никогда не ходивший в храм, я, еще недавно такой успешный и благополучный, стоял перед этой иконой, плакал и просил помочь мне, моей семье, дочери. Сколько времени я так простоял - не знаю, но после этого на душе стало легче. То ли от слез, то ли от ощущения, что мои просьбы услышаны.

Мне трудно сейчас вспоминать тот страшный период, который еще некоторое время длился, а я тогда еще не понимал, что что-то уже сдвинулось и в моей душе, и в жизни нашей семьи.

Через некоторое время Василиса попала в православный реабилитационный центр, где пробыла 4 месяца. Этот период стал началом обновления нашей семьи. Меня и жену пригласили на родительское собрание в храм Спаса Нерукотворного Образа, священник которого окормлял реабилитирующихся в центре пациентов. Он долго говорил с нами о родительском грехе, о спасении наших детей через веру в Бога, т. к. мы все в Его власти, и тогда же был отслужен молебен о здравии детей и их родителей. Это был первый шаг на пути моего воцерковления. Шаг, сделанный мною единственно ради спасения моей семьи и дочери.

Василиса после окончания реабилитации поехала на сельский приход³⁴. За этот период я несколько раз

³⁴ Свято-Троицкий приход села Петровское Иваново-Вознесенской епархии.

бывал на приходе и видел, какие глубокие изменения в ней происходят.

Время, пока её не было дома (а всего она отсутствовала год и два месяца), было дано мне, чтобы я мог понять, что произошло с ней, почему это стало возможно в нашей семье, как нам дальше строить свою жизнь. Бог рупором страданий известил меня о бессмысленности жизни без веры, вне покаяния. И этот рупор может прозвучать в жизни каждого родителя, практически в любой современной семье. Пусть не обольщается никто: «С нашим ребенком такого случиться не может». Мы тоже так думали. А поскольку на мне лежит ответственность за детей — я работаю директором школы, мне показалось важным помочь детям сформулировать понятие греха. Для этого я решил ввести в школе новый предмет — историю православной культуры. Это не Закон Божий, но этот предмет позволяет познакомить воспитанников с православной традицией, законами христианской нравственности, дать представление о культуре, основанной на православной вере. Поскольку наша школа государственная, мы не ставим перед собой задачи воцерковления детей — это задача родителей. Просто важно посеять те семена, которые через 5—10—15 лет дадут свои ростки, помогут уберечь детей от соблазна и падения, приведут их к вере, к Богу. Я считаю, что в школе перестали заниматься главным — воспитанием нравственности. И родители тоже перестали этим заниматься, они не ведут с детьми никакого диалога о добре и зле. А это самое главное. Потому что в наших детях — залог нашего счастья или отчаяния, радости или трагедии.

Сложилось так, что я стал общаться с родителями наркозависимых ребят, старался поделиться с ними своим собственным опытом, поддержать их в эти невыносимо трудные для них моменты жизни, вселить

в них надежду, подсказать, что только через родительскую молитву — ежедневную, ежечасную — мы можем помочь нашим детям и спасти их. Видя их горе, мне до глубины души было их жаль. К сожалению, пришлось столкнуться с тем, что очень часто эти люди в своем горе не хотят слышать о пути спасения через веру и Церковь, не хотят простить своих детей, изменить себя и свое отношение к детям. Любовь к детям должна быть взыскующей, важно перестать жалеть себя в своей привязанности к собственному ребенку. Любить своего ребенка, прощая ему все преступления, выкупая из милиции и, по сути, потакая ему в преступном, паразитическом образе жизни, легче, чем пойти на поступок, который надо сделать, потому что он изменит ситуацию, но от которого сердце разрывается (был момент, когда я выгнал Василису на улицу, после чего она согласилась на реабилитацию).

Продолжение моего воцерковления в городе не всегда было успешным. То не хватало времени, то душевная лень приводила к тому, что я чувствовал нехватку духовной пищи для себя. И тогда Бог дал мне возможность съездить на приход в село Георгиевское Ивановской епархии. Приехав сюда, я обрел то, чего мне так не хватало — душевный мир, который почувствовал я здесь, исходил от всего. Красота природы, величественная Волга, тишина, где всё дышит покоем, храм с малым числом прихожан. А самое главное — удивительные отношения между монахами, членами маленькой общины, реабилитантами, проживающими здесь, теплые, душевные беседы с настоятелем — всё вместе давало такой заряд веры и радости, что его хватало на долгий период городской суетной жизни. Каждый год летом и зимой езжу я сюда лечить свою душу и пополнять духовные силы. А дочка тем временем вышла замуж, родила нам внука Илюшу, который теперь

источник радости для бабушки и дедушки. Период её адаптации к городу был сложным не только для неё самой, но и для нас. Я видел, как ей было трудно, и теперь хорошо понимаю, что главная ошибка родителей, у которых дети вернулись после реабилитации, — это постоянное чувство страха и недоверия к детям. Необходимо дать им право самим определиться в жизни, при этом у ребенка не должно быть ощущения одиночества, потому что они объективно одиноки, поэтому им важно чувствовать, что они нужны своим близким. Мое отношение к наркоманам за это время претерпело сильные изменения: от чувства ненависти и желания всех их стрелять, я перешел к желанию всем помочь и к ощущению, что всех жалко.

Однажды я услышал, что самое главное — не потерять диалога с детьми, и согласился — это залог успешных отношений и ключ к взаимопониманию. В то время я начал более интенсивно общаться с наркозависимыми, особенно с теми, с которыми познакомился на Георгиевском приходе, которые уже прошли реабилитацию и пытались после возвращения устроить по-новому свою жизнь в городе. Я видел, как им трудно войти в городскую жизнь, и оттого, что нет контакта с родителями, нет взаимопонимания, возвращается тяга к наркотикам. Лишь тогда я до конца понял, что наркозависимость — это болезнь, от которой надо лечиться, и путь этот проделывается с огромным трудом. Я видел, что мое общение им нужно. Им нужно человеческое тепло, участие, внимание, домашняя атмосфера, куда можно прийти, ожидая сердечной встречи. Им не хватало места, где их готовы выслушать и помочь советом.

Не могу сказать, что после того, как наладилась жизнь у дочери, у меня не осталось никаких проблем. Но теперь я знаю, на что опираться в моих сегодняш-

них скорбях. В унынии и в тягостных переживаниях лучшей поддержкой для меня стал молитвослов. Читаю молитвы, которые я люблю, например, молитву Оптинских старцев. Поминаю своих близких, насельников прихода и, конечно, в первую очередь Василису и младенца Илью³⁵.

³⁵ Воспоминания «Алексея Ильича» записаны в 2003 году. Вскоре у Василисы был обнаружен ВИЧ. Брак Василисы не был счастливым, семья вскоре распалась, повторились рецидивы наркотизации. Спустя несколько лет, вследствие развития болезни, Василиса скончалась. Бабушка и дедушка воспитывают внука Илью. Жизнерадостный ребенок хорошо учится и по-прежнему является утешением для бабушки и дедушки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наркоманы, кто они такие? «Дегенераты», «преступники», «уроды»? Таковыми их до сих пор считает значительное, если не подавляющее большинство граждан нашей страны. После пятнадцати лет реабилитационной работы с подсевшими на наркотики молодыми людьми, я убедился, что в действительности это украденные у нас наши дети. В каком возрасте дети впервые дегустируют наркотик? В девяностые годы это происходило где-то в 12—14 лет, сейчас в 10—12. Когда употребление становится регулярным? Лет в 15—19 или чуть позже. В возрасте 22—25 лет они уже начинают «выпадать в осадок»: становятся полностью асоциальными личностями, ужасом для посторонних и проклятием для близких — родственников и друзей. Именно в этот заключительный период долго скрывавшейся болезни написан портрет типичного наркомана, который и стал его визитной карточкой. Те, кто подсел на наркотики, хуже или несчастнее других?

Когда мы проживаем нашу жизнь, день за днем, часто ли размышляем о неизбежной смерти, о своих последних днях? Как правило, мысль о кончине и предсмертных мучениях вытесняется из сознания, а если врывается в него, мы сами стремимся её отогнать. Мы взрослые люди, но всё равно размышления о возможных негативных последствиях наших действий и кончине болезненны для нас. Мы позволяем себе не просчитывать последствия и не задумываться о конце, не считаем это преступлением. Взрослые позволяют себе многое из того, что наносит вред, главное, чтобы расплата не наступила немедленно. А может она и не наступит? Обойдёт меня? Ребёнок, когда ему предлагают проглотить

пилюлю или нюхнуть для получения «кайфа», да ещё даром, в лучшем случае боится ремня. Почему ребёнок должен быть мудрее нас? Благодарю Бога, что во времена моего детства наркотики были недоступны.

Я не стараюсь представить наркопотребителей невинными жертвами обстоятельств, каждому из них есть в чём каяться. Наркомания — это не только болезнь, это также и грех. Грех, которым все повязаны. И те, кто подсел, и те, кто посадил, и те, кто попустил, и те, кто отстранился. Всех можно усадить на скамью подсудимых. Не уговариваю с этим согласиться, прошу об этом подумать. Как бы там ни было, большинству из «подсадивших», попустивших и отстранившихся наказание отсрочено. Подсевшие все без исключения наказаны пожизненно. Вопрос в том, что с ними делать дальше? Нельзя позволить этим страдалцам слоняться по улицам наших городов и совершать преступления. Необходимо найти глобальное, системное решение и реализовать его. Что дешевле, добывать их или лечить? Что человечнее? Казнить нельзя помиловать. Где поставим запятую?

Вокруг наркомании наркоманов сложилась устойчивая мифология, которая не соответствует реальности. Пока она не будет отброшена, проблему, достигшую уровня национальной катастрофы, решить не удастся. Ожесточающий население, повергающий в отчаяние наркозависимых и их ближайшее окружение догмат гласит, что наркомания неизлечима, что наркоман — он навсегда наркоман, что наркотик умеет ждать. К счастью, это не так. Говорю на основании личного опыта и опыта друзей, не с чужих слов знающих предмет. Более половины воспитанников, решавших проблему зависимости на нашем приходе, живут нормальной радостной жизнью. Во многих наркоман не затаился, а умер. Украд несколько лет жизни, унёс с собой часть

В храм пришел наркозависимый. Как помочь?

здоровья. Но кто не теряет здоровья с годами? Запрет на бокал вина во время застолья совсем не инвалидность. Неправда, не все наркоманы безвременно погибают: немало тех, кто, исцелившись, живёт среди нас. У наркомана есть шанс возродиться, и есть возможность вернуться. Вот только как мы их встретим? Будем ли искренне рады их возвращению? Они знают, почему им лучше молчать о своём наркоманском прошлом.

Если обратимся к Евангелию, у нас не останется сомнений, как Бог относится к людям, попавшим в наркотическую зависимость. Господь «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4). «Сын Человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее... Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18:11;17). Нет сомнения в том, что Богу дороги эти люди. Но активность церковных людей в помощи наркозависимым пока что оставляет желать большего. У Церкви огромный потенциал для успешной деятельности на этом поприще. Будет ли он приведён в действие?

Краткие сведения об авторах статей

Игумен Мефодий (Кондратьев) (составитель сборника) — руководитель Координационного центра по противодействию наркомании ОЦБСС РПЦ, Председатель Правления БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского, настоятель Свято-Георгиевского храма Кинешемской епархии (село Георгиевское, Кинешемского р-на, Ивановской обл.).

Екатерина Алексеевна Савина — директор благотворительного фонда «Зебра и К», психолог.

Роман Иванович Прищенко — БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского: член правления, психолог.

Протоиерей Сергей Рыбчак — настоятель храма свв. апп. Петра и Павла города Полевской, духовник реабилитационного центра для наркозависимых «Подвижник».

Петр Алексеевич Никитенко — сотрудник Московского научно-практического центра наркологии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Об участии Русской Православной Церкви в реабилитации наркозависимых

Документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2012 года (журнал № 128).

«С пастырским состраданием относясь к жертвам пьянства и наркомании, Церковь предлагает им духовную поддержку в преодолении порока. Не отрицая необходимости медицинской помощи на острых стадиях наркомании, Церковь уделяет особое внимание профилактике и реабилитации, наиболее эффективных при сознательном вовлечении страждущих в евхаристическую и общинную жизнь» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XI. 6).

I. Наркомания: грех и болезнь

Наркомания — это хроническое, прогрессирующее, трудно поддающееся лечению заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях. Для того чтобы вывести наркозависимого в устойчивую ремиссию, требуется, прежде всего, его собственное желание и усилия, а также компетентная комплексная помощь специалистов:

медиков, психологов, социальных работников и священнослужителей.

Церковь свидетельствует, что употребление наркотика является грехом, направленным на разрушение собственной богозданной природы (Быт. 1:27). Человек, начавший употреблять наркотики, в большей или меньшей степени сознает, что злоупотребление психоактивными средствами может иметь для его жизни трагические последствия. Прежде всего, это нарушение нормального функционирования организма, развитие пагубной болезни — наркотической зависимости, разрушение социальных связей.

Греховным является и стремление достичь с помощью психоактивных веществ «измененного сознания»: ухода от реальности для получения удовольствия, «просветления» или «разрешения» духовно-нравственных проблем.

Формирующаяся зависимость часто толкает человека на совершение других греховных деяний: распространение наркотиков, мошенничество, воровство, разбой, проституцию, нанесение увечий ближнему, вплоть до убийства. Нередко наркозависимый завершает жизнь тяжким грехом — самоубийством. В периоды употребления наркотиков человек может совершить такие преступные деяния, на которые в обычном состоянии никогда не решится. Человек, приобретающий наркотики с целью употребления, вступает в связь с криминальными структурами и становится звеном в цепочке преступного бизнеса.

На любой стадии зависимости человек с помощью Божией может прекратить наркотизацию. Нежелание или отсутствие решимости отказаться от того, что разрушает его жизнь и жизнь близких, также является грехом.

Наркомания — это проблема не только отдельного человека, но и его близких. Зачастую наркомания является следствием разобщенности членов семьи, нарушения эмоциональных связей, пренебрежения важнейшими основами семейной жизни, такими как взаимное уважение, забота, любовь и верность. В то же время, члены семьи наркомана, как правило, сами становятся созависимыми, приспосабливаясь к патологической деформации в межличностных отношениях, и нуждаются в помощи специалистов.

Широкое распространение наркомании является следствием духовного неблагополучия всего общества — усиливающегося эгоизма и отчуждения между людьми, утраты фундаментальных духовных ценностей и нравственных ориентиров.

II. Отношение Церкви к людям, попавшим в наркотическую зависимость

Наркомания — это грех, но вместе с тем наркоман — это и больной человек, попавший в беду. Он не в меньшей степени, чем остальные, может надеяться на милосердие Бога, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4). «Нет воли Отца... Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18:12-17). Любой человек способен изменить свой греховный образ жизни и встать на путь спасения. Добровольное желание зависимого человека прекратить наркотизацию и согласиться на реабилитацию есть необходимое условие успеха реабилитационного процесса.

Вне зависимости от тяжести и срока наркотической зависимости, Господь силен излечить страждущего данным недугом при искреннем желании последнего. Зависимый человек должен быть активным и сознательным участником реабилитации, готовым приложить усилия и понести труды для преодоления зависимости. Служители Церкви могут и должны оказать помощь человеку, решившемуся прекратить употребление наркотиков, участвуя в процессе исцеления в качестве соратников Божиих.

Памятуя предупреждение апостола Павла: «Не обманывайтесь: пьяницы Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9-10), что в равной мере справедливо для людей зависимых от наркотиков, Церковь не одобряет применение заместительной терапии (использование метадона или других аналогичных препаратов). Данный способ является одним из вариантов снижения социального вреда, связанного с наркоманией, однако, он препятствует решению главной, с точки зрения Церкви, задачи человека — исцелению, преображению его души для вечной жизни в Царствии Божием. Церковь также категорически выступает против легализации любых видов немедицинского употребления наркотических веществ, в том числе так называемых «легких» наркотиков.

Русская Православная Церковь в лице священнослужителей и мирян с середины 90-х годов XX века принимает участие в помощи наркозависимым и их родственникам. Сегодня во многих епархиях существуют различные формы реабилитационной деятельности. Помимо собственных оригинальных программ реабилитации наркозависимых Русская Православная Церковь допускает использование методик, заимствованных из опыта отечественной наркологии, форм и методов, раз-

работанных в других странах, если они находятся в согласии с нравственными принципами, гарантирующими благо и достоинство человеческой личности.

Церковь считает приоритетным развитие церковной системы реабилитации, включающей в себя, в том числе и оригинальные программы, направленные на предотвращение наркотической угрозы. Все вновь создаваемые церковные методики реабилитации должны находиться в согласии с православной антропологией, опираться на аскетическую традицию Православной Церкви.

III. Основные принципы участия Церкви в реабилитации наркозависимых

Под реабилитацией или лечебно-реабилитационным процессом в наркологии понимается медико-социальная система, направленная на восстановление физического, психического и духовного здоровья наркологического больного, его личностного и социального статуса. Для достижения этой цели используется комплекс медицинских, психологических, психотерапевтических, воспитательных, трудовых, социальных мер и технологий.

Церковь, не отрицая подхода наркологии к реабилитации больных и используя методы, выработанные профессиональным сообществом, в своей деятельности делает акцент на духовной составляющей реабилитационного процесса. Выход наркозависимого человека

в устойчивую ремиссию, восстановление его социального статуса не рассматривается Церковью в качестве единственной задачи. Конечной целью для Церкви является приготовление людей к вечной жизни, к которой Бог призывает всех. Для попавшего в наркотический плен человека, отозвавшегося на призыв Спасителя, преодоление зависимости становится необходимым шагом на пути спасения.

Таким образом, реабилитация в понимании Церкви есть обращение (возвращение) на путь спасения, ведущий к вечной жизни людей, попавших в зависимость от психоактивных веществ. Реабилитация начинается с преодоления зависимости и восстановления социальных навыков при органичном включении реабилитационного процесса в жизнь церковной общины.

Члены общины, проводящие реабилитацию, призваны быть соработниками Божиими, помогающими зависимым преодолевать приобретенную страсть, приобщающими их к церковной жизни.

Показателем успеха реабилитации с точки зрения Церкви наряду с устойчивой ремиссией зависимого является сформировавшаяся христианская ценностная мотивация в повседневной жизни.

Можно выделить три основных принципа церковного понимания реабилитации зависимого человека.

Принцип 1.

Реабилитация в Церкви есть, в первую очередь, результат действия Божественной благодати, являемой во всей полноте церковной жизни

Господь, Целитель душевных и телесных недугов, силой Своей освобождает плененного наркозависимого

мостью в ответ на его усилия и желание, в ответ на сотрудничество с Ним Его служителей, осуществляющих милосердную помощь больному. В реабилитации, осуществляемой Церковью, особая миссия возлагается на православного священника, как служителя Таинств, пастыря, духовника и молитвенника. На основном этапе реабилитации пастырскому попечению священника отводится важная роль. Если реабилитация осуществляется на базе прихода, священник, как ответственный за все происходящее в общине, высказывает решающее мнение при формировании коллектива специалистов. Группа проходящих реабилитацию людей также сознает его руководящую роль в реабилитации.

Принцип 2.
Включение реабилитационного процесса
в жизнь церковной общины

Основной этап реабилитации осуществляется в приходских и монашеских общинах, а также в созданных или патронированных Церковью учреждениях. В последнем случае община формируется из реабилитантов и верующих сотрудников. Общинная жизнь проходит здесь также под окормлением священника, но отдельно от прихода, который в этом случае лишь обеспечивает возможность реабилитационному обществу участвовать в своей богослужбной жизни. В реабилитации, осуществляемой в Церкви, особое значение придается жизни реабилитантов среди членов церковной общины и, прежде всего, среди людей, освободившихся от наркотической зависимости и ставших членами общины.

Спаситель благовествовал Своим последователям: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10). Отличительным, видимым признаком новой благодатной жизни являются любовь и забота друг о друге последователей Господа: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). Реабилитант, вошедший в жизнь церковной общины, члены которой стремятся жить по закону любви, попадает в особо благоприятную для исцеления души среду.

Церковная реабилитация предусматривает не механическое вхождение в Церковь, но поэтапное освоение азов духовной жизни и постепенное приобщение к участию в Таинствах Церкви. Степень и сроки воцерковления и вовлечение в жизнь общины индивидуальны у каждого проходящего реабилитацию.

Принцип 3.
Компетентность (профессионализм) членов церковной
общины, участвующих в реабилитации

Компетентность составляют понимание духовной и физической природы зависимости, необходимые знания и владение навыками, обладание информацией о методиках, используемых в светских реабилитационных учреждениях.

В процессе реабилитации помогающий должен вооружить реабилитантов всеми необходимыми знаниями о зависимости и о возможных путях ее преодоления.

Необходимо привлекать к участию в осуществляемой Церковью работе по реабилитации специалистов: наркологов, медиков, психологов, социальных работников. Реабилитационный процесс, организованный

в православной общине, проходит при условии, что все его участники являются воцерковленными людьми или, как минимум, принимают христианскую систему ценностей. Единство мировоззрения основных деятелей реабилитационного процесса является необходимым условием внутренней непротиворечивости реабилитационного процесса и органичного совмещения реабилитации с жизнью церковной общины.

IV. Организация реабилитационного процесса

Реабилитационный процесс включает в себя:

- первичное консультирование, которое проводится в кабинетах первичного приема или заочно — по телефону доверия;
- дезинтоксикацию, проводимую в медицинских учреждениях;
- мотивационный период, проводимый в мотивационных центрах;
- основной период церковной реабилитации, который предполагает участие реабилитанта в церковной жизни и проводится внутри приходских или монастырских церковных общин, желательно в значительном удалении от крупных городов;
- ресоциализацию, которая проводится в центре, расположенном в каком-либо из крупных городов, и в ходе которой прошедшему реабилитацию человеку предоставляется жилье, оказывается помощь в трудоустройстве, дается возможность получить

- консультативную помощь специалиста и пастырское окормление священника;
- постреабилитационное сопровождение, которое осуществляется с согласия прошедшего реабилитацию человека и включает поддержание связи с проводившей реабилитацию церковной общиной;
 - работу с родственниками наркозависимых: помощь семье наркозависимого в выходе из состояния созависимости, в разрешении проблем, которые провоцируют одного из членов семейства на наркотизацию; в отдельных случаях, наркозависимому может быть рекомендовано по окончании реабилитации жить отдельно от семьи, иногда на значительном расстоянии; работу с членами семьи зависимых лиц следует начинать уже на этапе первичного консультирования.

Начиная с мотивационного периода, церковная реабилитация включает деятельное раскаяние, участие реабилитантов в Таинствах, молитву церковную и домашнюю, пост, трудовое послушание, индивидуальное духовное руководство. В процессе реабилитации следует заниматься также культурным развитием наркозависимых, обучать ремеслу, развивать творческие способности. При работе с родственниками наркозависимых людей достижению благоприятного результата содействуют индивидуальные консультации, групповая работа и беседы с духовниками.

V. Задачи организации участия Церкви в реабилитации наркозависимых

1. Общецерковный уровень

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению призван, непосредственно или посредством создаваемых им специальных структур:

- осуществлять постоянный мониторинг деятельности по противодействию наркомании в епархиях;
- осуществлять экспертную оценку эффективности реабилитационной работы;
- осуществлять взаимодействие с епархиальными центрами противодействия наркомании, а также некоммерческими организациями (НКО), координировать взаимодействие между епархиями;
- обеспечивать подготовку сотрудников и волонтеров для работы с наркозависимыми в церковных общинах;
- содействовать созданию ресурсных центров на базе церковных общин, успешно осуществляющих реабилитацию наркозависимых, где могли бы проводиться обучающие семинары, осуществляться стажировка духовенства и церковных работников;
- на общецерковном уровне осуществлять взаимодействие с государственными структурами, в сферу компетенции которых входит профилактика наркозависимости;
- взаимодействовать с авторитетными представителями научного сообщества в области развития реабилитации наркозависимых;

- информировать общество о деятельности Русской Православной Церкви по работе с наркозависимыми через СМИ, в частности, через Интернет и телевидение.

В сотрудничестве с Учебным комитетом представляется также необходимым ввести в соответствующие учебные курсы духовных учебных заведений разделы, посвященные проблемам зависимости от психоактивных веществ и работе с людьми, попавшими в такую зависимость.

2. Епархиальный уровень

В епархиях Русской Православной Церкви могут создаваться епархиальные структуры по противодействию наркомании, работающие по следующим направлениям:

- координация профилактической, реабилитационной и постреабилитационной деятельности церковных организаций;
- организация и проведение семинаров для клириков и церковных социальных работников с целью повышения их компетентности в вопросах наркозависимости;
- осуществление на региональном уровне связи с общественными организациями и государственными структурами в деле противостояния наркотической угрозе;
- осуществление связи со структурами, занимающимися противодействием наркотической угрозе в других епархиях.

В случаях, когда специальные структуры епархиями не создаются, деятельность по этим направлениям поручается епархиальным отделам социальной направленности.

Также на епархиальном уровне могут быть приняты следующие меры:

- открытие в крупных городах кабинетов для первичного приема наркозависимых и создание службы телефонов доверия;
- основание церковных мотивационных центров вблизи от больших городов;
- оказание поддержки приходам и монастырям, которые начинают заниматься реабилитацией наркозависимых;
- создание центров ресоциализации (социальные гостиницы, «дома на полпути», адаптационные квартиры), где прошедшие реабилитацию люди могут некоторое время жить под контролем специалистов и под окормлением священника;
- поддержание связи и взаимодействие с учреждениями государственной наркологии, СПИД-центрами, медицинскими учреждениями, помощь которых может потребоваться при работе с наркозависимыми;
- организация своевременного отдыха сотрудников центров реабилитации наркозависимых.

VI. Взаимодействие Церкви с государственными структурами и обществом в деятельности по реабилитации

В сфере церковно-государственного сотрудничества в области профилактики наркомании и оказания помощи людям, попавшим в наркотическую зависимость,

Русская Православная Церковь признает приоритетным сотрудничество с министерствами и ведомствами, их структурными подразделениями. Развивая социальное служение в этой сфере, Русская Православная Церковь считает необходимым свое участие в работе межведомственных комиссий и иных организаций по выработке и реализации государственной политики в сфере противодействия наркотической угрозе, а также сотрудничество с соответствующими общественными организациями.

Во взаимодействии с государственными структурами и общественными организациями Русская Православная Церковь может, в частности, решать следующие задачи:

- развитие сети учреждений по реабилитации больных наркоманией, созданных Русской Православной Церковью и ее каноническими подразделениями либо с их участием;
- развитие системы государственной поддержки церковных реабилитационных учреждений для наркозависимых;
- поддержка церковно-общественных проектов на местах по созданию консультационных служб и телефонов доверия по проблемам наркомании;
- профессиональная подготовка и переподготовка сотрудников реабилитационных центров, медиков, психологов, педагогов и специалистов социальной сферы для работы с наркозависимыми, разработка и реализация образовательных программ и программ повышения квалификации в этой области;
- подготовка и издание печатных материалов, информации, размещаемой на сайтах органов исполнительной власти, организаций Русской Православной Церкви, общественных организаций по проблемам

противодействия наркомании и помощи людям, попавшим в наркотическую зависимость;

- организация совместной информационно-просветительской деятельности среди подростков и молодежи, направленной на духовно-нравственное становление личности и профилактику девиантного поведения;
- работа с наркозависимыми заключенными в заведениях пенитенциарной системы;
- создание благотворительных фондов с целью обеспечения финансовой поддержки проводимых Церковью мероприятий по профилактике употребления наркотиков и реабилитации наркозависимых лиц;
- проведение общенациональных благотворительных акций антинаркотической направленности с привлечением к участию в них предприятий и организаций, в том числе коммерческих;
- реализация мероприятий, посвященных проведению Всемирного дня борьбы с наркотиками;
- создание координационных и совещательных органов (советов, комиссий, групп, коллегий), осуществляющих деятельность на постоянной или временной основе в рамках реализации соглашений в этой сфере между Русской Православной Церковью, государственными структурами и общественными организациями, участие в совместной деятельности в уже существующих аналогичных органах;
- создание рабочих групп в целях разработки представляющих взаимный интерес проектов законов и иных нормативно-правовых актов, касающихся проблемы противодействия наркотической угрозе.

VII. Взаимодействие Церкви и СМИ в реабилитации наркозависимых

Средства массовой информации, особенно телевидение и Интернет, могут играть важную роль в борьбе с наркотической угрозой. С их помощью можно дать надежду людям, попавшим в наркотический плен, и их отчаявшимся родственникам, рассказать о существующих методиках реабилитации, в том числе осуществляемых в Церкви, на примере конкретных жизненных историй людей, сумевших преодолеть зависимость, вдохновить наркозависимых на преодоление недуга и на возвращение к здоровому образу жизни.

Информационные кампании по профилактике наркомании и помощи лицам, попавшим в наркотическую зависимость, чтобы быть эффективными, должны опираться на прочный этический базис и содействовать формированию духовно и физически здорового образа жизни.

**Игумен Мефодий (Кондратьев), Е.А. Савина,
Р.И. Прищенко, протоиерей Сергей Рыбчак, П.А. Никитенко**

В храм пришел наркозависимый. Как помочь?

Компьютерная верстка *Е. Патрушева*

Подписано в печать 17.12.2013.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 6000 экз. Заказ № 5174.

Отпечатано в ООО «Адвансед Солюшнз»
119071, г. Москва, Ленинский пр-т, 19, стр. 1

Книга подготовлена и издана в рамках
Благотворительной программы
БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского
при поддержке субсидии, предоставленной
из федерального бюджета
Министерством экономического развития
Российской Федерации

Отдел по церковной благотворительности
и социальному служению
в серии «Азбука милосердия» выпустил книги
о помощи наркозависимым:

**«Методология социальной реабилитации
наркозависимых в церковной общине»**
(М.: Лепта Книга, 2012)

**«Пастырская и сестринская помощь
ВИЧ-инфицированным людям.
Пособие для священников, сестер милосердия
и добровольцев»**
(М.: Лепта Книга, 2011)

<http://diaconia.ru/books>

При БФ св. прав. Иоанна Кронштадтского
проводятся консультации психолога
для наркозависимых на анонимной основе.

Информация по телефону (499) 704 61 69

